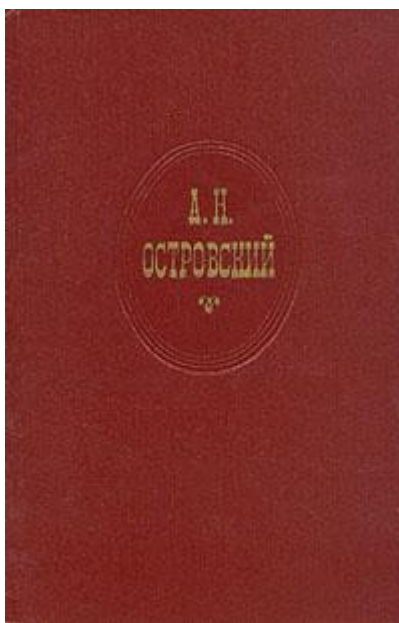

Александр Николаевич Островский

Гроза

«А.Н.Островский. Собрание сочинений в 10-и томах. Том 2»: Государственное издательство Художественной литературы; 1959

Аннотация

А.Н.Островский и по сей день является самым популярным русским драматургом. Его экранизируют, по его пьесам ставят спектакли. Кажется, только появившись на свет, его пьесы обречены были стать русской классикой: настолько ярки и одновременно обобщенны характеры его героев. Можно рассматривать эту драму в хрестоматийном ключе: как конфликт «темного царства» с «лучом света». А можно – просто как историю отчаявшейся души, как историю любви сильной женщины в мире несостоятельных мужчин.

Александр Николаевич Островский

Гроза

Лица

Савел Прокофьевич Дик'ой , купец, значительное лицо в городе.
Борис Григорьевич , племянник его, молодой человек, порядочно образованный.
Марфа Игнатьевна Кабанова (Кабаниха) , богатая купчиха, вдова.
Тихон Иваныч Кабанов , ее сын.
Катерина , жена его.
Варвара , сестра Тихона.
Кулиги , мещанин, часовщик-самоучка, отыскивающий перпетуум-мобиле.
Ваня Кудряш , молодой человек, конторщик Дикого.
Шапкин , мещанин.
Феклуша , странница.
Глаша , девка в доме Кабановой.
Барыня с двумя лакеями , старуха 70-ти лет, полусумасшедшая.
Городские жители обоего пола.

Все лица, кроме Бориса, одеты по-русски. (Прим. А.Н.Островского.)

Действие происходит в городе Калинове, на берегу Волги, летом. Между 3 и 4 действиями проходит 10 дней.

Действие первое

Общественный сад на высоком берегу Волги, за Волгой сельский вид. На сцене две скамейки и несколько кустов.

Явление первое

Кулигин сидит на скамье и смотрит за реку. Кудряш и Шапкин прогуливаются.

Кулигин (*поет*) . «Среди долины ровныя, на гладкой высоте...» (*Перестает петь.*)
Чудеса, истинно надобно сказать, что чудеса! Кудряш! Вот, братец ты мой, пятьдесят лет я каждый день гляжу за Волгу и все наглядеться не могу.

Кудряш . А что?

Кулигин . Вид необыкновенный! Красота! Душа радуется.

Кудряш . Нешто!

Кулигин . Восторг! А ты «нешто»! Пригляделись вы, либо не понимаете, какая красота в природе разлита.

Кудряш . Ну, да ведь с тобой что толковать! Ты у нас антик, химик.

Кулигин . Механик, самоучка-механик.

Кудряш . Все одно.

Молчание.

Кулигин (*показывает в сторону*) . Посмотри-ка, брат Кудряш, кто это там так руками размахивает?

Кудряш . Это? Это Дикой племянника ругает.

Кулигин . Нашел место!

Кудряш . Ему везде место. Бойтся, что ль, он кого! Достался ему на жертву Борис Григорьич, вот он на нем и ездит.

Шапкин . Уж такого-то ругателя, как у нас Савел Прокофьич, поискать еще! Ни за что человека оборвет.

Кудряш . Пронзительный мужик!

Шапкин . Хороша тоже и Кабаниха.

Кудряш . Ну, да та хоть, по крайности, все под видом благочестия, а этот как с цепи сорвался!

Шапкин . Унять-то его некому, вот он и воюет!

Кудряш . Мало у нас парней-то на мою статью, а то бы мы его озорничать-то отучили.

Шапкин . А что бы вы сделали?

Кудряш . Постращали бы хорошенько.

Шапкин . Как это?

Кудряш . Вчетвером этак, впятером в переулке где-нибудь поговорили бы с ним с глазу на глаз, так он бы шелковый сделался. А про нашу науку-то и не пикнул бы никому, только бы ходил да оглядывался.

Шапкин . Недаром он хотел тебя в солдаты-то отдать.

Кудряш . Хотел, да не отдал, так это все одно, что ничего. Не отдаст он меня: он чует носом-то своим, что я свою голову дешево не продам. Это он вам страшен-то, а я с ним разговаривать умею.

Шапкин . Ой ли?

Кудряш . Что тут: ой ли! Я грубиян считаюсь; за что ж он меня держит? Стало быть, я

ему нужен. Ну, значит, я его и не боюсь, а пушай же он меня боится.

Шапкин . Уж будто он тебя и не ругает?

Кудряш . Как не ругать! Он без этого дышать не может. Да не спускаю и я: он слово, а я десять; плюнет, да и пойдет. Нет, уж я перед ним рабствовать не стану.

Кулигин . С него, что ль, пример брать! Лучше уж стерпеть.

Кудряш . Ну вот, коль ты умен, так ты его прежде учливости-то выучи, да потом и нас учи. Жаль, что дочери-то у него подростки, больших-то ни одной нет.

Шапкин . А то что бы?

Кудряш . Я б его уважил. Больно лих я на девок-то!

Проходят Дикой и Борис, Кулигин снимает шапку.

Шапкин (*Кудряшу*) . Отойдем к сторонке: еще привяжется, пожалуй.

Отходят.

Явление второе

Те же . Дикой и Борис .

Дикой . Баклуши ты, что ль, бить сюда приехал? Дармоед! Пропади ты пропадом!

Борис . Праздник; что дома-то делать.

Дикой . Найдешь дело, как захочешь. Раз тебе сказал, два тебе сказал: «Не смей мне навстречу попадаться»; тебе все нейдет. Мало тебе места-то? Куда ни поди, тут ты и есть! Тьфу ты, проклятый! Что ты, как столб, стоишь-то? Тебе говорят аль нет?

Борис . Я и слушаю, что ж мне делать еще!

Дикой (*посмотрев на Бориса*) . Провались ты! Я с тобой и говорить-то не хочу, с езуитом. (*Уходя.*) Вот навязался! (*Плюет и уходит.*)

Явление третье

Кулигин, Борис, Кудряш и Шапкин .

Кулигин . Что у вас, сударь, за дела с ним? Не пойдем мы никак. Охота вам жить у него да брань переносить.

Борис . Уж какая охота, Кулигин! Неволя.

Кулигин . Да какая же неволя, сударь, позвольте вас спросить? Коли можно, сударь, так скажите нам.

Борис . Отчего ж не сказать? Знали бабушку нашу, Анфису Михайловну?

Кулигин . Ну, как не знать!

Кудряш . Как не знать!

Борис . Батюшку она ведь невзлюбила за то, что он женился на благородной. По этому-то случаю батюшка с матушкой и жили в Москве. Матушка рассказывала, что она трех дней не могла ужиться с родней, уж очень ей дико казалось.

Кулигин . Еще бы не дико! Уж что говорить! Большую привычку нужно, сударь, иметь.

Борис . Воспитывали нас родители в Москве хорошо, ничего для нас не жалели. Меня отдали в Коммерческую академию, а сестру в пансион, да оба вдруг и умерли в холеру, мы с сестрой сиротами и остались. Потом мы слышим, что и бабушка здесь умерла и оставила завещание, чтобы дядя нам выплатил часть, какую следует, когда мы придем в совершеннолетие, только с условием.

Кулагин . С каким же, сударь?

Борис . Если мы будем к нему почтительны.

Кулагин . Это значит, сударь, что вам наследства вашего не видать никогда.

Борис . Да нет, этого мало, Кулигин! Он прежде наломается над нами, надругается

всячески, как его душе угодно, а кончит все-таки тем, что не даст ничего или так, какую-нибудь малость. Да еще станет рассказывать, что из милости дал, что и этого бы не следовало.

Кудряш . Уж это у нас в купечестве такое заведение. Опять же, хоть бы вы и были к нему почтительны, нешто кто ему запретит сказать-то, что вы непочтительны?

Борис . Ну да. Уж он и теперь поговаривает иногда: «У меня свои дети, за что я чужим деньги отдам? Через это я своих обидеть должен!»

Кулигин . Значит, сударь, плохо ваше дело.

Борис . Кабы я один, так бы ничего! Я бы бросил все да уехал. А то сестру жаль. Он было и ее выписывал, да матушкины родные не пустили, написали, что больна. Какова бы ей здесь жизнь была – и представить страшно.

Кудряш . Уж само собой. Нешто они обращение понимают!

Кулигин . Как же вы у него живете, сударь, на каком положении?

Борис . Да ни на каком. «Живи, – говорит, – у меня, делай, что прикажут, а жалованья, что положу». То есть через год разочтет, как ему будет угодно.

Кудряш . У него уж такое заведение. У нас никто и пикнуть не смей о жалованье, изругает на чем свет стоит. «Ты, – говорит, – почему знаешь, что я на уме держу? Нешто ты мою душу можешь знать? А может, я приду в такое расположение, что тебе пять тысяч дам». Вот ты и поговори с ним! Только еще он во всю свою жизнь ни разу в такое-то расположение не приходил.

Кулигин . Что ж делать-то, сударь! Надо стараться угождать как-нибудь.

Борис . В том-то и дело, Кулигин, что никак невозможно. На него и свои-то никак угодить не могут; а уж где ж мне?

Кудряш . Кто ж ему угодит, коли у него вся жизнь основана на ругательстве? А уж пуще всего из-за денег; ни одного расчета без брани не обходится. Другой рад от своего отступить, только бы унялся. А беда, как его поутру кто-нибудь рассердит! Целый день ко всем придирается.

Борис . Тетка каждое утро всех со слезами умоляет: «Батюшки, не рассердите! Голубчики, не рассердите!»

Кудряш . Да нешто убережешься! Попал на базар, вот и конец! Всех мужиков переругает. Хоть в убыток проси, без брани все-таки не отойдет. А потом и пошел на весь день.

Шапкин . Одно слово: воин!

Кудряш . Еще какой воин-то!

Борис . А вот беда-то, когда его обидит такой человек, которого не обругать не смеет; тут уж домашние держись!

Кудряш . Батюшки! Что смеху-то было! Как-то его на Волге на перевозе гусар обругал. Вот чудеса-то творил!

Борис . А каково домашним-то было! После этого две недели все прятались по чердакам да по чуланам.

Кулигин . Что это? Никак, народ от вечерни тронулся?

Проходят несколько лиц в глубине сцены.

Кудряш . Пойдем, Шапкин, в разгул! Что тут стоять-то?

Кланяются и уходят.

Борис . Эх, Кулигин, больно трудно мне здесь, без привычки-то. Все на меня как-то дико смотрят, точно я здесь лишний, точно мешаю им. Обычаев я здешних не знаю. Я понимаю, что все это наше русское, родное, а все-таки не привыкну никак.

Кулигин . И не привыкнете никогда, сударь.

Борис . Отчего же?

Кулигин . Жестокие нравы, сударь, в нашем городе, жестокие! В мещанстве, сударь, вы ничего, кроме грубости да бедности нагой не увидите. И никогда нам, сударь, не выбиться из этой коры! Потому что честным трудом никогда не заработать нам больше насущного хлеба.

А у кого деньги, сударь, тот старается бедного закабалить, чтобы на его труды даровые еще больше денег наживать. Знаете, что ваш дядюшка, Савел Прокофьич, городничему отвечал? К городничему мужички пришли жаловаться, что он ни одного из них путем не разочтет. Городничий и стал ему говорить: «Послушай, – говорит, – Савел Прокофьич, рассчитывай ты мужиков хорошенько! Каждый день ко мне с жалобой ходят!» Дядюшка ваш потрепал городничего по плечу да и говорит: «Стоит ли, ваше высокоблагородие, нам с вами о таких пустяках разговаривать! Много у меня в год-то народу перебывает; вы то поймите: не доплачу я им по какой-нибудь копейке на человека, у меня из этого тысячи составляются, так оно; мне и хорошо!» Вот как, сударь! А между собой-то, сударь, как живут! Торговлю друг у друга подрывают, и не столько из корысти, сколько из зависти. Враждуют друг на друга; залучают в свои высокие-то хоромы пьяных приказных, таких, сударь, приказных, что и виду-то человеческого на нем нет, обличье-то человеческого потеряно. А те им за малую благодетельность на гербовых листах злостные клязвы строчат на ближних. И начнется у них, сударь, суд да дело, и несть конца мучениям. Судятся, судятся здесь да в губернию поедут, а там уж их и ждут да от радости руками плещут. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается; водят их, водят, волочат их, волочат, а они еще и рады этому волоченью, того только им и надобно. «Я, – говорит, – потрачусь, да уж и ему станет в копейку». Я было хотел все это стихами изобразить...

Борис . А вы умеете стихами?

Кулигин . По-старинному, сударь. Поначитался-таки Ломоносова, Державина... Мудрец был Ломоносов, испытатель природы... А ведь тоже из нашего, из простого звания.

Борис . Вы бы и написали. Это было бы интересно.

Кулигин . Как можно, сударь! Съедят, живого проглотят. Мне уж и так, сударь, за мою болтовню достается; да не могу, люблю разговор рассыпать! Вот еще про семейную жизнь хотел я вам, сударь, рассказать; да когда-нибудь в другое время. А тоже есть что послушать.

Входят Феклуша и другая женщина.

Феклуша . Бла-алепие, милая, бла-алепие! Красота дивная! Да что уж говорить! В обетованной земле живете! И купечество все народ благочестивый, добродетелями многими украшенный! Щедростью и подаяниями многими! Я так довольна, так, матушка, довольна, по горлышко! За наше неоставление им еще больше щедрот приумножится, а особенно дому Кабановых.

Уходят.

Борис . Кабановых?

Кулигин . Ханжа, сударь! Нищих оделяет, а домашних заела совсем.

Молчание.

Только б мне, сударь, перпету-мобиль найти!

Борис . Что ж бы вы сделали?

Кулигин . Как же, сударь! Ведь англичане миллион дают; я бы все деньги для общества и употребил, для поддержки. Работу надо дать мещанству-то. А то руки есть, а работать нечего.

Борис . А вы надеетесь найти перпетуум-мобиле?

Кулигин . Непременно, сударь! Вот только бы теперь на модели деньжонками раздобыться. Прощайте, сударь! (*Уходит.*)

Явление четвертое

Борис (*один*) . Жаль его разочаровывать-то! Какой хороший человек! Мечтает себе – и счастлив. А мне, видно, так и загубить свою молодость в этой трущобе. Уж ведь совсем убитый хожу, а тут еще дурь в голову лезет! Ну, к чему пристало! Мне ли уж нежности заводить?

Загнан, забит, а тут еще сдуру-то влюбляться вздумал. Да в кого? В женщину, с которой даже и поговорить-то никогда не удастся! (*Молчание.*) К все-таки нейдет она у меня из головы, хоть ты что хочешь. Вот она! Идет с мужем, ну, и свекровь с ними! Ну, не дурак ли я? Погляди из-за угла да и ступай домой. (*Уходит.*)

С противоположной стороны входят Кабанова , Кабанов , Катерина и Варвара .

Явление пятое

Кабанова , Кабанов , Катерина и Варвара .

Кабанова . Если ты хочешь мать послушать, так ты, как приедешь туда, сделай так, как я тебе приказывала.

Кабанов . Да как же я могу, маменька, вас послушаться!

Кабанова . Не очень-то нынче старших уважают.

Варвара (*про себя*) . Не уважишь тебя, как же!

Кабанов . Я, кажется, маменька, из вашей воли ни на шаг.

Кабанова . Поверила бы я тебе, мой друг, кабы своими глазами не видала да своими ушами не слыхала, каково теперь стало почтение родителям от детей-то! Хоть бы то-то помнили, сколько матери болезней от детей переносят.

Кабанов . Я, маменька...

Кабанова . Если родительница что когда и обидное, по вашей гордости, скажет, так, я думаю, можно бы перенести! А, как ты думаешь?

Кабанов . Да когда же я, маменька, не переносил от вас?

Кабанова . Мать стара, глупа; ну, а вы, молодые люди, умные, не должны с нас, дураков, и взыскивать.

Кабанов (*вздыхая, в сторону*) . Ах ты, господи. (*Матери.*) Да смеем ли мы, маменька, подумать!

Кабанова . Ведь от любви родители и строги-то к вам бывают, от любви вас и бранят-то, все думают добру научить. Ну, а это нынче не нравится. И пойдут детки-то по людям славить, что мать ворчунья, что мать проходу не дает, со свету сживает. А сохрани господи, каким-нибудь словом снохе не угодить, ну и пошел разговор, что свекровь заела совсем.

Кабанов . Нешто, маменька, кто говорит про вас?

Кабанова . Не слыхала, мой друг, не слыхала, лгать не хочу. Уж кабы я слыхала, я бы с тобой, мой милый, тогда не так заговорила. (*Вздыхает.*) Ох, грех тяжкий! Вот долго ли согрешить-то! Разговор близкий сердцу пойдет, ну и согресишь, рассердишься. Нет, мой друг, говори что хочешь про меня. Никому не закажешь говорить: в глаза не посмеют, так за глаза станут.

Кабанов . Да отсохни язык...

Кабанова . Полно, полно, не божись! Грех! Я уж давно вижу, что тебе жена милее матери. С тех пор как женился, я уж от тебя прежней любви не вижу.

Кабанов . В чем же вы, маменька, это видите?

Кабанова . Да во всем, мой друг! Мать чего глазами не увидит, так у нее сердце вещун, она сердцем может чувствовать. Аль жена тебя, что ли, отводит от меня, уж не знаю.

Кабанов . Да нет, маменька! Что вы, помилуйте!

Катерина . Для меня, маменька, все одно, что родная мать, что ты, да и Тихон тоже тебя любит.

Кабанова . Ты бы, кажется, могла и помолчать, коли тебя не спрашивают. Не заступайся, матушка, не обижу небось! Ведь он мне тоже сын; ты этого не забывай! Что ты выскочила в глазах-то поюлить! Чтобы видели, что ли, как ты мужа любишь? Так знаем, знаем, в глазах-то ты это всем доказываешь.

Варвара (*про себя*) . Нашла место наставления читать.

Катерина . Ты про меня, маменька, напрасно это говоришь. Что при людях, что без людей, я все одна, ничего я из себя не доказываю.

Кабанова . Да я об тебе и говорить не хотела; а так, к слову пришлось.

Катерина . Да хоть и к слову, за что ж ты меня обижаешь?

Кабанова . Эка важная птица! Уж и обиделась сейчас.

Катерина . Напраслину-то терпеть кому ж приятно!

Кабанова . Знаю я, знаю, что вам не по нутру мои слова, да что ж делать-то, я вам не чужая, у меня об вас сердце болит. Я давно вижу, что вам воли хочется. Ну что ж, дождетесь, поживете и на воле, когда меня не будет. Вот уж тогда делайте что хотите, не будет над вами старших. А может, и меня вспомянете.

Кабанов . Да мы об вас, маменька, денно и ночью бога молим, чтобы вам, маменька, бог дал здоровья и всякого благополучия и в делах успеху.

Кабанова . Ну, полно, перестань, пожалуйста. Может быть, ты и любил мать, пока был холостой. До меня ли тебе: у тебя жена молодая.

Кабанов . Одно другому не мешает-с: жена само по себе, а к родительнице я само по себе почтение имею.

Кабанова . Так променяешь ты жену на мать? Ни в жизнь я этому не поверю.

Кабанов . Да для чего ж мне менять-с? Я обеих люблю.

Кабанова . Ну да, так и есть, размазывай! Уж я вижу, что я вам помеха.

Кабанов . Думайте как хотите, на все есть ваша воля; только я не знаю, что я за несчастный такой человек на свет рожден, что не могу вам угодить ничем.

Кабанова . Что ты сиротой-то прикидываешься? Что ты нюни-то распустил? Ну какой ты муж? Посмотри ты на себя! Станет ли тебя жена бояться после этого?

Кабанов . Да зачем же ей бояться? С меня и того довольно, что она меня любит.

Кабанова . Как зачем бояться! Как зачем бояться! Да ты рехнулся, что ли? Тебя не станет бояться, меня и подавно. Какой же это порядок-то в доме будет? Ведь ты, чай, с ней в законе живешь. Али, по-вашему, закон ничего не значит? Да уж коли ты такие дурацкие мысли в голове держишь, ты бы при ней-то, по крайней мере, не болтал да при сестре, при девке; ей тоже замуж идти: этак она твоей болтовни наслушается, так после муж-то нам спасибо скажет за науку. Видишь ты, какой еще ум-то у тебя, а ты еще хочешь своей волей жить.

Кабанов . Да я, маменька, и не хочу своей волей жить. Где уж мне своей волей жить!

Кабанова . Так, по-твоему, нужно все лаской с женой? Уж и не прикрикнуть на нее и не пригрозить?

Кабанов . Да я, маменька...

Кабанова (*горячо*) . Хоть любовника заводи! А? И это, может быть, по-твоему, ничего? А? Ну, говори!

Кабанов . Да, ей-богу, маменька...

Кабанова (*совершенно хладнокровно*) . Дурак! (*Вздыхает.*) Что с дураком и говорить! Только грех один!

Молчание.

Я домой иду.

Кабанов . И мы сейчас, только раз-другой по бульвару пройдем.

Кабанова . Ну, как хотите, только ты смотри, чтобы мне вас не дожидаться! Знаешь, я не люблю этого.

Кабанов . Нет, маменька, сохрани меня господи!

Кабанова . То-то же! (*Уходит.*)

Явление шестое

Те же , без Кабановой .

Кабанов . Вот видишь ты, вот всегда мне за тебя достается от маменьки! Вот жизнь-то моя какая!

Катерина . Чем же я-то виновата?

Кабанов . Кто ж виноват, я уж не знаю,

Варвара . Где тебе знать!

Кабанов . То все приставала: «Женись да женись, я хоть бы поглядела на тебя на женатого». А теперь поедом ест, проходу не дает – все за тебя.

Варвара . Так нешто она виновата? Мать на нее нападает, и ты тоже. А еще говоришь, что любишь жену. Скучно мне глядеть-то на тебя! (*Отворачивается.*)

Кабанов . Толкуй тут! Что ж мне делать-то?

Варвара . Знай свое дело – молчи, коли уж лучше ничего не умеешь. Что стоишь – переминаешься? По глазам вижу, что у тебя и на уме-то.

Кабанов . Ну, а что?

Варвара . Известно, что. К Савелу Прокофьичу хочется, выпить с ним. Что, не так, что ли?

Кабанов . Угадала, брат.

Катерина . Ты, Тиша, скорей приходи, а то маменька опять браниться станет.

Варвара . Ты проворней, в самом деле, а то знаешь ведь!

Кабанов . Уж как не знать!

Варвара . Нам тоже невелика охота из-за тебя брань-то принимать.

Кабанов . Я мигом. Подождите! (*Уходит.*)

Явление седьмое

Катерина и Варвара .

Катерина . Так ты, Варя, жалеешь меня?

Варвара (*глядя в сторону*) . Разумеется, жалко.

Катерина . Так ты, стало быть, любишь меня? (*Крепко целует.*)

Варвара . За что ж мне тебя не любить-то?

Катерина . Ну, спасибо тебе! Ты милая такая, я сама тебя люблю до смерти.

Молчание.

Знаешь, мне что в голову пришло?

Варвара . Что?

Катерина . Отчего люди не летают?

Варвара . Я не понимаю, что ты говоришь.

Катерина . Я говорю, отчего люди не летают так, как птицы? Знаешь, мне иногда кажется, что я птица. Когда стоишь на горе, так тебя и тянет лететь. Вот так бы разбежалась, подняла руки и полетела. Попробовать нешто теперь? (*Хочет бежать.*)

Варвара . Что ты выдумываешь-то?

Катерина (*вздыхая*) . Какая я была резвая! Я у вас завяла совсем.

Варвара . Ты думаешь, я не вижу?

Катерина . Такая ли я была! Я жила, ни об чем не тужила, точно птичка на воле. Маменька во мне души не чаяла, наряжала меня, как куклу, работать не принуждала; что хочу, бывало, то и делаю. Знаешь, как я жила в девушках? Вот я тебе сейчас расскажу. Встану я, бывало, рано; коли летом, так схожу на ключок, умоюсь, принесу с собой водицы и все, все цветы в доме полью. У меня цветов было много-много. Потом пойдем с маменькой в церковь, все и странницы, – у нас полон дом был странниц; да богомолки. А придем из церкви, сядем за какую-нибудь работу, больше по бархату золотом, а странницы станут рассказывать: где они были, что видели, жития разные, либо стихи поют. Так до обеда время и пройдет. Тут старухи уснуть лягут, а я по саду гуляю. Потом к вечерне, а вечером опять рассказы да пение. Таково хорошо было!

Варвара . Да ведь и у нас то же самое.

Катерина . Да здесь все как будто из-под неволи. И до смерти я любила в церковь ходить! Точно, бывало, я в рай войду и не вижу никого, и время не помню, и не слышу, когда служба

кончится. Точно как все это в одну секунду было. Маменька говорила, что все, бывало, смотрят на меня, что со мной делается. А знаешь: в солнечный день из купола такой светлый столб вниз идет, и в этом столбе ходит дым, точно облако, и вижу я, бывало, будто ангелы в этом столбе летают и поют. А то, бывало, девушка, ночью встану – у нас тоже везде лампадки горели – да где-нибудь в уголке и молюсь до утра. Или рано утром в сад уйду, еще только солнышко восходит, упаду на колена, молюсь и плачу, и сама не знаю, о чем молюсь и о чем плачу; так меня и найдут. И об чем я молилась тогда, чего просила, не знаю; ничего мне не надобно, всего у меня было довольно. А какие сны мне снились, Варенька, какие сны! Или храмы золотые, или сады какие-то необыкновенные, и все поют невидимые голоса, и кипарисом пахнет, и горы и деревья будто не такие, как обыкновенно, а как на образах пишутся. А то, будто я летаю, так и летаю по воздуху. И теперь иногда снится, да редко, да и не то.

Варвара . А что же?

Катерина (*помолчав*) . Я умру скоро.

Варвара . Полно, что ты!

Катерина . Нет, я знаю, что умру. Ох, девушка, что-то со мной недоброе делается, чудо какое-то! Никогда со мной этого не было. Что-то во мне такое необыкновенное. Точно я снова жить начинаю, или... уж и не знаю.

Варвара . Что же с тобой такое?

Катерина (*берет ее за руку*) . А вот что, Варя: быть греху какому-нибудь! Такой на меня страх, такой-то на меня страх! Точно я стою над пропастью и меня кто-то туда толкает, а удержаться мне не за что. (*Хватается за голову рукой.*)

Варвара . Что с тобой? Здоровая ли ты?

Катерина . Здорова... Лучше бы я больна была, а то нехорошо. Лезет мне в голову мечта какая-то. И никуда я от нее не уйду. Думать стану – мыслей никак не соберу, молиться – не отмолюсь никак. Языком лепечу слова, а на уме совсем не то: точно мне лукавый в уши шепчет, да все про такие дела нехорошие. И то мне представляется, что мне самое себе совестно делается. Что со мной? Перед бедой перед какой-нибудь это! Ночью, Варя, не спится мне, все мерещится шепот какой-то: кто-то так ласково говорит со мной, точно голубь воркует. Уж не снятся мне, Варя, как прежде, райские деревья да горы, а точно меня кто-то обнимает так горячо-горячо и ведет меня куда-то, и я иду за ним, иду...

Варвара . Ну?

Катерина . Да что же это я говорю тебе: ты девушка.

Варвара (*оглядываясь*) . Говори! Я хуже тебя.

Катерина . Ну, что ж мне говорить? Стыдно мне.

Варвара . Говори, нужды нет!

Катерина . Сделается мне так душно, так душно дома, что бежала бы. И такая мысль придет на меня, что, кабы моя воля, каталась бы я теперь по Волге, на лодке, с песнями, либо на тройке на хорошей, обнявшись...

Варвара . Только не с мужем.

Катерина . А ты почему знаешь?

Варвара . Еще бы не знать.

Катерина . Ах, Варя, грех у меня на уме! Сколько я, бедная, плакала, чего уж я над собой не делала! Не уйти мне от этого греха. Никуда не уйти. Ведь это нехорошо, ведь это страшный грех, Варенька, что я другого люблю?

Варвара . Что мне тебя судить! У меня свои грехи есть.

Катерина . Что же мне делать! Сил моих не хватает. Куда мне деваться; я от тоски что-нибудь сделаю над собой!

Варвара . Что ты! Что с тобой! Вот погоди, завтра братец уедет, подумаем; может быть, и видеться можно будет.

Катерина . Нет, нет, не надо! Что ты! Что ты! Сохрани господи!

Варвара . Чего ты испугалась?

Катерина . Если я с ним хоть раз увижусь, я убегу из дому, я уж не пойду домой ни за что на свете.

Варвара . А вот погоди, там увидим.

Катерина . Нет, нет, и не говори мне, я и слушать не хочу.

Варвара . А что за охота сохнуть-то! Хоть умирай с тоски, пожалеют, что ль, тебя! Как же, дожидайся. Так какая ж неволя себя мучить-то!

Входит Барыня с палкой и два лакея в треугольных шляпах сзади.

Явление восьмое

Те же и Барыня .

Барыня . Что, красавицы? Что тут делаете? Молодцов поджидаете, кавалеров? Вам весело? Весело? Красота-то ваша вас радует? Вот красота-то куда ведет. (*Показывает на Волгу.*) Вот, вот, в самый омут.

Варвара улыбается.

Что смеетесь! Не радуйтесь! (*Стучит палкой.*) Все в огне гореть будете неугасимом. Все в смоле будете кипеть неуголимой. (*Уходя.*) Вон, вон куда красота-то ведет! (*Уходит.*)

Явление девятое

Катерина и Варвара .

Катерина . Ах, как она меня испугала! Я дрожу вся, точно она пророчит мне что-нибудь.

Варвара . На свою бы тебе голову, старая карга!

Катерина . Что она сказала такое, а? Что она сказала?

Варвара . Вздор все. Очень нужно слушать, что она городит. Она всем так пророчит. Всю жизнь смолоду-то грешила. Спроси-ка, что об ней порасскажут! Вот умирать-то и боится. Чего сама-то боится, тем и других пугает. Даже все мальчишки в городе от нее прячутся, грозит на них палкой да кричит (*передразнивая*) : «Все гореть в огне будете!»

Катерина (*зажмурившись*) . Ах, ах, перестань! У меня сердце упало.

Варвара . Есть чего бояться! Дура старая...

Катерина . Боюсь, до смерти боюсь. Все она мне в глазах мерещится.

Молчание.

Варвара (*оглядываясь*) . Что это братец нейдет, вон, никак, гроза заходит.

Катерина (*с ужасом*) . Гроза! Побежим домой! Поскорее!

Варвара . Что ты, с ума, что ли, сошла? Как же ты без братца-то домой покажешься?

Катерина . Нет, домой, домой! Бог с ним!

Варвара . Да что ты уж очень боишься: еще далеко гроза-то.

Катерина . А коли далеко, так, пожалуй, подождем немного; а право бы, лучше идти. Пойдем лучше!

Варвара . Да ведь уж коли чему быть, так и дома не спрячешься.

Катерина . Да все-таки лучше, все покойнее: дома-то я к образам да богу молиться!

Варвара . Я и не знала, что ты так грозы боишься. Я вот не боюсь.

Катерина . Как, девушка, не бояться! Всякий должен бояться. Не то страшно, что убьет тебя, а то, что смерть тебя вдруг застанет, как ты есть, со всеми твоими грехами, со всеми помыслами лукавыми. Мне умереть не страшно, а как я подумаю, что вот вдруг я явлюсь перед богом такая, какая я здесь с тобой, после этого разговору-то, – вот что страшно. Что у меня на уме-то! Какой грех-то! Страшно вымолвить! Ах!

Гром. Кабанов входит.

Варвара . Вот братец идет. (*Кабанову.*) Беги скорей!

Гром.

Катерина . Ах! Скорей, скорей!

Действие второе

Комната в доме Кабановых.

Явление первое

Глаша (собирает платье в узлы) и Феклуша (входит).

Феклуша . Милая девушка, все-то ты за работой! Что делаешь, милая?

Глаша . Хозяина в дорогу собираю.

Феклуша . Аль едет куда свет наш?

Глаша . Едет.

Феклуша . Надолго, милая, едет?

Глаша . Нет, ненадолго.

Феклуша . Ну, скатертью ему дорога! А что, хозяйка-то станет выть аль нет?

Глаша . Уж не знаю, как тебе сказать.

Феклуша . Да она у вас воет когда?

Глаша . Не слышать что-то.

Феклуша . Уж больно я люблю, милая девушка, слушать, коли кто хорошо воет-то.

Молчание.

А вы, девушка, за убогой-то присматривайте, не стянула б чего.

Глаша . Кто вас разберет, все вы друг на друга клеплете. Что вам ладно-то не живется? Уж у нас ли, кажется, вам, странным, не житье, а вы все ссоритесь да перекоряетесь. Греха-то вы не боитесь.

Феклуша . Нельзя, матушка, без греха: в миру живем. Вот что я тебе скажу, милая девушка: вас, простых людей, каждого один враг смущает, а к нам, к странным людям, к кому шесть, к кому двенадцать приставлено; вот и надобно их всех побороть. Трудно, милая девушка!

Глаша . Отчего ж к вам так много?

Феклуша . Это, матушка, враг-то из ненависти на нас, что жизнь такую праведную ведем. А я, милая девушка, не вздорная, за мной этого греха нет. Один грех за мной есть точно, я сама знаю, что есть. Сладко поесть люблю. Ну так что ж! По немощи моей господь посылает.

Глаша . А ты, Феклуша, далеко ходила?

Феклуша . Нет, милая. Я, по своей немощи, далеко не ходила; а слышать – много слыхала. Говорят, такие страны есть, милая девушка, где и царей-то нет православных, а салтаны землей правят. В одной земле сидит на троне салтан Махнут турецкий, а в другой – салтан Махнут персидский; и суд творят они, милая девушка, надо всеми людьми, и, что ни судят они, все неправильно. И не могут они, милая, ни одного дела рассудить праведно, такой уж им предел положен. У нас закон праведный, а у них, милая, неправедный; что по нашему закону так выходит, а по-ихнему все напротив. И все судьи у них, в ихних странах, тоже все неправедные; так им, милая девушка, и в просьбах пишут: «Суди меня, судья неправедный!». А то есть еще земля, где все люди с песьими головами.

Глаша . Отчего же так – с песьими?

Феклуша . За неверность. Пойду я, милая девушка, по купечеству поброжу: не будет ли

чего на бедность. Прощай покудова!

Глаша . Прощай!

Феклуша уходит.

Вот еще какие земли есть! Каких-то, каких-то чудес на свете нет! А мы тут сидим, ничего не знаем. Еще хорошо, что добрые люди есть: нет-нет да и услышишь, что на белом свете делается; а то бы так дураками и померли.

Входят Катерина и Варвара .

Явление второе

Катерина и Варвара .

Варвара (*Глаше*) . Тащи узел-то в кибитку, лошади приехали. (*Катерине.*) Молоду тебя замуж-то отдали, погулять-то тебе в девках не пришлось: вот у тебя сердце-то и не ушло еще.

Глаша уходит.

Катерина . И никогда не уходится.

Варвара . Отчего ж?

Катерина . Такая уж я зародилась, горячая! Я еще лет шести была, не больше, так что сделала! Обидели меня чем-то дома, а дело было к вечеру, уж темно; я выбежала на Волгу, села в лодку, да и отпихнула ее от берега. На другое утро уж нашли, верст за десять!

Варвара . Ну, а парни поглядывали на тебя?

Катерина . Как не поглядывать!

Варвара . Что же ты? Неужто не любила никого?

Катерина . Нет, смеялась только.

Варвара . А ведь ты, Катя, Тихона не любишь.

Катерина . Нет, как не любить! Мне жалко его очень!

Варвара . Нет, не любишь. Коли жалко, так не любишь. Да и не за что, надо правду сказать. И напрасно ты от меня скрываешься! Давно уж я заметила, что ты любишь другого человека.

Катерина (*с испугом*) . По чем же ты заметила?

Варвара . Как ты смешно говоришь! Маленькая я, что ли! Вот тебе первая примета: как ты увидишь его, вся в лице переменишься.

Катерина потупляет глаза.

Да мало ли...

Катерина (*потупившись*) . Ну, кого же?

Варвара . Да ведь ты сама знаешь, что называть-то?

Катерина . Нет, назови. По имени назови!

Варвара . Бориса Григорьича.

Катерина . Ну да, его, Варенька, его! Только ты, Варенька, ради бога...

Варвара . Ну, вот еще! Ты сама-то, смотри, не проговорись как-нибудь.

Катерина . Обманывать-то я не умею, скрывать-то ничего не могу.

Варвара . Ну, а ведь без этого нельзя; ты вспомни, где ты живешь! У нас ведь дом на том держится. И я не обманщица была, да выучилась, когда нужно стало. Я вчера гуляла, так его видела, говорила с ним.

Катерина (*после непродолжительного молчания, потупившись*) . Ну, так что ж?

Варвара . Кланяться тебе приказал. Жаль, говорит, что видеться негде.

Катерина (*потупившись еще более*) . Где же видеться! Да и зачем...

Варвара . Скучный такой.

Катерина . Не говори мне про него, сделай милость, не говори! Я его и знать не хочу! Я буду мужа любить. Тиша, голубчик мой, ни на кого тебя не променяю! Я и думать-то не хотела, а ты меня смущаешь.

Варвара . Да не думай, кто же тебя заставляет?

Катерина . Не жалеешь ты меня ничего! Говоришь: не думай, а сама напоминаешь. Разве я хочу об нем думать? Да что делать, коли из головы нейдет. Об чем ни задумаю, а он так и стоит перед глазами. И хочу себя переломить, да не могу никак. Знаешь ли ты, меня нынче ночью опять враг смущал. Ведь я было из дому ушла.

Варвара . Ты какая-то мудреная, бог с тобой! А по-моему: делай, что хочешь, только бы шито да крыто было.

Катерина . Не хочу я так. Да и что хорошего! Уж я лучше буду терпеть, пока терпится.

Варвара . А не стерпится, что ж ты сделаешь?

Катерина . Что я сделаю?

Варвара . Да, что ты сделаешь?

Катерина . Что мне только захочется, то и сделаю.

Варвара . Сделай, попробуй, так тебя здесь заедят.

Катерина . Что мне! Я уйду, да и была такова.

Варвара . Куда ты уйдешь? Ты мужняя жена.

Катерина . Эх, Варя, не знаешь ты моего характеру! Конечно, не дай бог этому случиться! А уж коли очень мне здесь опостынет, так не удержат меня никакой силой. В окно выброшусь, в Волгу кинусь. Не хочу здесь жить, так не стану, хоть ты меня режь!

Молчание.

Варвара . Знаешь что, Катя! Как Тихон уедет, так давай в саду спать, в беседке.

Катерина . Ну зачем, Варя?

Варвара . Да нешто не все равно?

Катерина . Боюсь я в незнакомом-то месте ночевать,

Варвара . Чего бояться-то! Глаша с нами будет.

Катерина . Все как-то робко! Да я, пожалуй.

Варвара . Я б тебя и не звала, да меня-то одну маменька не пустит, а мне нужно.

Катерина (*смотря на нее*) . Зачем же тебе нужно? **Варвара** (*смеется*) . Будем там ворожить с тобой.

Катерина . Шутишь, должно быть?

Варвара . Известно, шучу; а то неужто в самом деле?

Молчание.

Катерина . Где ж это Тихон-то?

Варвара . На что он тебе?

Катерина . Нет, я так. Ведь скоро едет.

Варвара . С маменькой сидят запершись. Точит она его теперь, как ржа железо.

Катерина . За что же?

Варвара . Ни за что, так, уму-разуму учит. Две недели в дороге будет, заглазное дело. Сама посуди! У нее сердце все изноет, что он на своей воле гуляет. Вот она ему теперь надает приказов, один другого грозней, да потом к образу побожиться заставит, что все так точно он и сделает, как приказано.

Катерина . И на воле-то он словно связанный.

Варвара . Да, как же, связанный! Он как выедет, так запьет. Он теперь слушает, а сам думает, как бы ему вырваться-то поскорей.

Входят Кабанова и Кабанов .

Явление третье

Те же , Кабанова и Кабанов .

Кабанова . Ну, ты помнишь все, что я тебе сказала. Смотри ж, помни! На носу себе заруби!

Кабанов . Помню, маменька.

Кабанова . Ну, теперь все готово. Лошади приехали. Проститься тебе только, да и с богом.

Кабанов . Да-с, маменька, пора.

Кабанова . Ну!

Кабанов . Чего изволите-с?

Кабанова . Что ж ты стоишь, разве порядку не забыл? Приказывай жене-то, как жить без тебя.

Катерина потупила глаза.

Кабанов . Да она, чай, сама знает.

Кабанова . Разговаривай еще! Ну, ну, приказывай. Чтоб и я слышала, что ты ей приказываешь! А потом приедешь спросишь, так ли все исполнила.

Кабанов (*становясь против Катерины*) . Слушайся маменьки, Катя!

Кабанова . Скажи, чтоб не грубила свекрови,

Кабанов . Не груби!

Кабанова . Чтоб почитала свекровь, как родную мать!

Кабанов . Почитай, Катя, маменьку, как родную мать.

Кабанова . Чтоб сложа руки не сидела, как барыня.

Кабанов . Работай что-нибудь без меня!

Кабанова . Чтоб в окна глаз не пялила!

Кабанов . Да, маменька, когда ж она...

Кабанова . Ну, ну!

Кабанов . В окна не гляди!

Кабанова . Чтоб на молодых парней не заглядывалась без тебя.

Кабанов . Да что ж это, маменька, ей-богу!

Кабанова (*строго*) . Ломаться-то нечего! Должен исполнять, что мать говорит. (*С улыбкой.*) Оно все лучше, как приказано-то.

Кабанов (*сконфузившись*) . Не заглядывайся на парней!

Катерина строго взглядывает на него.

Кабанова . Ну, теперь поговорите промежду себя, коли что нужно. Пойдем, Варвара!

Уходят.

Явление четвертое

Кабанов и Катерина (стоит, как будто в оцепенении).

Кабанов . Катя!

Молчание.

Катя, ты на меня не сердись?

Катерина (*после непродолжительного молчания, качает головой*) . Нет!

Кабанов . Да что ты такая? Ну, прости меня!

Катерина (*все в том же состоянии, покачив головой*) . Бог с тобой! (*Закрыв лицо рукою.*) Обидела она меня!

Кабанов . Все к сердцу-то принимать, так в чахотку скоро попадешь. Что ее слушать-то! Ей ведь что-нибудь надо ж говорить! Ну и пушай она говорит, а ты мимо ушей пропускай, Ну, прощай, Катя!

Катерина (*кидаясь на шею мужу*) . Тиша, не уезжай! Ради бога, не уезжай! Голубчик, прошу я тебя!

Кабанов . Нельзя, Катя. Коли маменька посылает, как же я не поеду!

Катерина . Ну, бери меня с собой, бери!

Кабанов (*освобождаясь из ее объятий*) . Да нельзя.

Катерина . Отчего же, Тиша, нельзя?

Кабанов . Куда как весело с тобой ехать! Вы меня уж заездили здесь совсем! Я не чаю, как вырваться-то; а ты еще навязываешься со мной.

Катерина . Да неужели же ты разлюбил меня?

Кабанов . Да не разлюбил, а с этакой-то неволи от какой хочешь красавицы жены убежишь! Ты подумай то: какой ни на есть, я все-таки мужчина; всю жизнь вот так жить, как ты видишь, так убежишь и от жены. Да как знаю я теперича, что недели две никакой грозы надо мной не будет, кандалов этих на ногах нет, так до жены ли мне?

Катерина . Как же мне любить-то тебя, когда ты такие слова говоришь?

Кабанов . Слова как слова! Какие же мне еще слова говорить! Кто тебя знает, чего ты боишься? Ведь ты не одна, ты с маменькой остаешься.

Катерина . Не говори ты мне об ней, не тирань ты моего сердца! Ах, беда моя, беда! (*Плачет.*) Куда мне, бедной, деться? За кого мне ухватиться? Батюшки мои, погибаю я!

Кабанов . Да полно ты!

Катерина (*подходит к мужу и прижимается к нему*) . Тиша, голубчик, кабы ты остался либо взял ты меня с собой, как бы я тебя любила, как бы я тебя голубила, моего милого! (*Ласкает его.*)

Кабанов . Не разберу я тебя, Катя! То от тебя слова не добьешься, не то что ласки, а то так сама лезешь.

Катерина . Тиша, на кого ты меня оставляешь! Быть беде без тебя! Быть беде!

Кабанов . Ну, да ведь нельзя, так уж нечего делать.

Катерина . Ну, так вот что! Возьми ты с меня какую-нибудь клятву страшную...

Кабанов . Какую клятву?

Катерина . Вот какую: чтобы не смела я без тебя ни под каким видом ни говорить ни с кем чужим, ни видеться, чтобы и думать я не смела ни о ком, кроме тебя.

Кабанов . Да на что ж это?

Катерина . Успокой ты мою душу, сделай такую милость для меня!

Кабанов . Как можно за себя ручаться, мало ль что может в голову прийти.

Катерина (*Падая на колени*) . Чтоб не видать мне ни отца, ни матери! Умереть мне без покаяния, если я...

Кабанов (*поднимая ее*) . Что ты! Что ты! Какой грех-то! Я и слушать не хочу!

Голос Кабановой : «Пора, Тихон!»

Входят Кабанова, Варвара и Глаша.

Явление пятое

Те же, Кабанова, Варвара и Глаша.

Кабанова . Ну, Тихон, пора. Поезжай с богом! (*Садится.*) Садитесь все!

Все садятся. Молчание.

Ну, прощай! (*Встает, и все встают.*)

Кабанов (*подходя к матери*) . Прощайте, маменька! Кабанова (*жестом показывая в землю*) . В ноги, в ноги!

Кабанов кланяется в ноги, потом целуется с матерью.

Прощайся с женой!

Кабанов . Прощай, Катя!

Катерина кидается ему на шею.

Кабанова . Что на шею-то виснешь, бесстыдница! Не с любовником прощаешься! Он тебе муж – глава! Аль порядку не знаешь? В ноги кланяйся!

Катерина кланяется в ноги.

Кабанов . Прощай, сестрица! (*Целуется с Варварой.*) Прощай, Глаша! (*Целуется с Глашей.*) Прощайте, маменька! (*Кланяется.*)

Кабанова . Прощай! Дальние проводы – лишние слезы.

Кабанов уходит, за ним Катерина, Варвара и Глаша.

Явление шестое

Кабанова (*одна*) . Молодость-то что значит! Смешно смотреть-то даже на них! Кабы не свои, насмеялась бы досыта: ничего-то не знают, никакого порядка. Проститься-то путем не умеют. Хорошо еще, у кого в доме старшие есть, ими дом-то и держится, пока живы. А ведь тоже, глупые, на свою волю хотят; а выйдут на волю-то, так и путаются на покор да смех добрым людям. Конечно, кто и пожалеет, а больше все смеются. Да не смеяться-то нельзя: гостей позовут, посадить не умеют, да еще, гляди, позабудут кого из родных. Смех, да и только! Так-то вот старина-то и выводится. В другой дом и взойти-то не хочется. А и взойдешь-то, так плюнешь, да вон скорее. Что будет, как старики перемрут, как будет свет стоять, уж и не знаю. Ну, да уж хоть то хорошо, что не увижу ничего.

Входят Катерина и Варвара.

Явление седьмое

Кабанова, Катерина и Варвара.

Кабанова . Ты вот похвалялась, что мужа очень любишь; вижу я теперь твою любовь-то. Другая хорошая жена, проводивши мужа-то, часа полтора воеет, лежит на крыльце; а тебе, видно, ничего.

Катерина . Не к чему! Да и не умею. Что народ-то смешить!

Кабанова . Хитрость-то невеликая. Кабы любила, так бы выучилась. Коли порядком не умеешь, ты хоть бы пример-то этот сделала; все-таки пристойнее; а то, видно, на словах только. Ну, я богу молиться пойду, не мешайте мне.

Варвара . Я со двора пойду.

Кабанова (*ласково*) . А мне что! Поди! Гуляй, пока твоя пора придет. Еще насидишься!

Уходят Кабанова и Варвара.

Явление восьмое

Катерина (*одна, задумчиво*) . Ну, теперь тишина у вас в доме воцарится. Ах, какая скука! Хоть бы дети чьи-нибудь! Эко горе! Деток-то у меня нет: все бы я и сидела с ними да забавляла их. Люблю очень с детьми разговаривать – ангелы ведь это. (*Молчание.*) Кабы я маленькая умерла, лучше бы было. Глядела бы я с неба на землю да радовалась всему. А то полетела бы невидимо, куда захотела. Вылетела бы в поле и летала бы с василька на василек по ветру, как бабочка. (*Задумывается.*) А вот что сделаю: я начну работу какую-нибудь по обещанию; пойду в гостиный двор, куплю холста, да и буду шить белье, а потом раздам бедным. Они за меня богу помолят. Вот и засядем шить с Варварой и не увидим, как время пройдет; а тут Тиша приедет.

Входит Варвара .

Явление девятое

Катерина и Варвара .

Варвара (*покрывает голову платком перед зеркалом*) . Я теперь гулять пойду; а ужо нам Глаша постелет постели в саду, маменька позволила. В саду, за малиной, есть калитка, ее маменька запирает на замок, а ключ прячет. Я его унесла, а ей подложила другой, чтоб не заметила. На вот, может быть, понадобится. (*Подает ключ.*) Если увижу, так скажу, чтоб приходил к калитке.

Катерина (*с испугом отталкивая ключ*) . На что! На что! Не надо, не надо!

Варвара . Тебе не надо, мне понадобится; возьми, не укусит он тебя.

Катерина . Да что ты затеяла-то, греховодница! Можно ли это! Подумала ль ты! Что ты! Что ты!

Варвара . Ну, я много разговаривать не люблю, да и некогда мне. Мне гулять пора. (*Уходит.*)

Явление десятое

Катерина (*одна, держа ключ в руках*) . Что она это делает-то? Что она только придумывает? Ах, сумасшедшая, право сумасшедшая! Вот погибель-то! Вот она! Бросить его, бросить далеко, в реку кинуть, чтоб не нашли никогда. Он руки-то жжет, точно уголь. (*Подумав.*) Вот так-то и гибнет наша сестра-то. В неволе-то кому весело! Мало ли что в голову-то придет. Вышел случай, другая и рада: так очертя голову и кинется. А как же это можно, не подумавши, не рассудивши-то! Долго ли в беду попасть! А там и плачься всю жизнь, мучайся; неволя-то еще горчее покажется. (*Молчание.*) А горька неволя, ох, как горька! Кто от нее не плачет! А пуще всех мы, бабы. Вот хоть я теперь! Живу, маюсь, просвету себе не вижу. Да и не увижу, знать! Что дальше, то хуже. А теперь еще этот грех-то на меня. (*Задумывается.*) Кабы не свекровь!.. Сокрушила она меня... от нее мне и дом-то опостылел; стены-то даже противны, (*Задумчиво смотрит на ключ.*) Бросить его? Разумеется, надо бросить. И как он ко мне в руки попал? На соблазн, на пагубу мою. (*Прислушивается.*) Ах, кто-то идет. Так сердце и упало. (*Прячет ключ в карман.*) Нет!.. Никого! Что я так испугалась! И ключ спрятала... Ну, уж, знать, там ему и быть! Видно, сама судьба того хочет! Да какой же в этом грех, если я взгляну на него раз, хоть издали-то! Да хоть и поговорю-то, так все не беда! А как же я мужу-то!.. Да ведь он сам не захотел. Да, может, такого и случая-то еще во всю жизнь не выдет. Тогда и плачься на себя: был случай, да не умела пользоваться. Да что я говорю-то, что я себя обманываю? Мне хоть умереть, да увидеть его. Перед кем я притворяюсь-то!.. Бросить ключ! Нет, ни за что на свете! Он мой теперь... Будь что будет, а я Бориса увижу! Ах, кабы ночь поскорее!..

Действие третье

Сцена первая

Улица. Ворота дома Кабановых, перед воротами скамейка.

Явление первое

Кабанова и Феклуша (сидят на скамейке).

Феклуша . Последние времена, матушка Марфа Игнатьевна, последние, по всем приметам последние. Еще у вас в городе рай и тишина, а по другим городам так просто содом, матушка: шум, беготня, езда беспрестанная! Народ-то так и сует, один туда, другой сюда.

Кабанова . Некуда нам торопиться-то, милая, мы и живем не спеша.

Феклуша . Нет, матушка, оттого у вас тишина в городе, что многие люди, вот хоть бы вас взять, добродетелями, как цветами, украшаются: оттого все и делается прохладно и благочинно. Ведь эта беготня-то, матушка, что значит? Ведь это суета! Вот хоть бы в Москве: бегают народ взад и вперед, неизвестно зачем. Вот она суета-то и есть. Суетный народ, матушка Марфа Игнатьевна, вот он и бегают. Ему представляется-то, что он за делом бежит; торопится, бедный, людей не узнает; ему мерещится, что его манит некто, а придет на место-то, ан пусто, нет ничего, мечта одна. И пойдет в тоске. А другому мерещится, что будто он догоняет кого-то знакомого. Со стороны-то свежий человек сейчас видит, что никого нет; а тому-то все кажется от суеты, что он догоняет. Суета-то, ведь она вроде туману бывает. Вот у вас в этакой прекрасный вечер редко кто и за ворота-то выйдет посидеть; а в Москве-то теперь гульбища да игрища, а по улицам-то индо грохот идет, стон стоит. Да чего, матушка Марфа Игнатьевна, огненного змия стали запрягать: все, видишь, для ради скорости.

Кабанова . Слышала я, милая.

Феклуша . А я, матушка, так своими глазами видела; конечно, другие от суеты не видят ничего, так он им машиной показывается, они машиной и называют, а я видела, как он лапами-то вот так (*растопыривает пальцы*) делает. Ну, и стон, которые люди хорошей жизни, так слышат.

Кабанова . Назвать-то всячески можно, пожалуй, хоть машиной назови; народ-то глуп, будет всему верить. А меня хоть ты золотом осыпь, так я не поеду.

Феклуша . Что за крайности, матушка! Сохрани господи от такой напасти! А вот еще, матушка Марфа Игнатьевна, было мне в Москве видение некоторое. Иду я рано поутру, еще чуть брезжится, и вижу, на высоком-превысоком доме, на крыше, стоит кто-то, лицом черен. Уж сами понимаете кто. И делает он руками, как будто сыплет что, а ничего не сыпется. Тут я догадалась, что это он плевелы сыплет, а народ днем в суете-то своей невидимо и подберет. Оттого-то они так и бегают, оттого и женщины-то у них все такие худые, тела-то никак не нагуляют, да как будто они что потеряли либо чего ищут: в лице печаль, даже жалко.

Кабанова . Все может быть, моя милая! В наши времена чего дивиться!

Феклуша . Тяжелые времена, матушка Марфа Игнатьевна, тяжелые. Уж и время-то стало в умаление приходиться.

Кабанова . Как так, милая, в умаление?

Феклуша . Конечно, не мы, где нам заметить в суете-то! А вот умные люди замечают, что у нас и время-то короче становится. Бывало, лето и зима-то тянутся-тянутся, не дожدهшься, когда кончатся; а нынче и не увидишь, как пролетят. Дни-то и часы все те же как будто остались, а время-то, за наши грехи, все короче и короче делается. Вот что умные-то люди говорят.

Кабанова . И хуже этого, милая, будет.

Феклуша . Нам-то бы только не дожить до этого,

Кабанова . Может, и доживем.

Входит Дикой .

Явление второе

Те же и Дикой .

Кабанова . Что это ты, кум, бродишь так поздно?

Дикой . А кто ж мне запретит!

Кабанова . Кто запретит! Кому нужно!

Дикой . Ну, и, значит, нечего разговаривать. Что я, под началом, что ль, у кого? Ты еще что тут! Какого еще тут черта водяного!..

Кабанова . Ну, ты не очень горло-то распускай! Ты найди подешевле меня! А я тебе дорога! Ступай своей дорогой, куда шел. Пойдем, Феклуша, домой. *(Встает.)*

Дикой . Постой, кума, постой! Не сердись. Еще успеешь дома-то быть: дом-то твой не за горами. Вот он!

Кабанова . Коли ты за делом, так не ори, а говори толком.

Дикой . Никакого дела нет, а я хмелен, вот что.

Кабанова . Что ж, ты мне теперь хвалить тебя прикажешь за это?

Дикой . Ни хвалить, ни бранить. А, значит, я хмелен. Ну, и кончено дело. Пока не просплюсь, уж этого дела поправить нельзя.

Кабанова . Так ступай, спи!

Дикой . Куда ж это я пойду?

Кабанова . Домой. А то куда же!

Дикой . А коли я не хочу домой-то?

Кабанова . Отчего же это, позволь тебя спросить?

Дикой . А потому, что у меня там война идет.

Кабанова . Да кому ж там воевать-то? Ведь ты один только там воин-то и есть.

Дикой . Ну так что ж, что я воин? Ну что ж из этого?

Кабанова . Что? Ничего. А и честь-то не велика, потому что воюешь-то ты всю жизнь с бабами. Вот что.

Дикой . Ну, значит, они и должны мне покоряться. А то я, что ли, покоряться стану!

Кабанова . Уж немало я дивлюсь на тебя: столько у тебя народу в доме, а на тебя на одного угодить не могут.

Дикой . Вот поди ж ты!

Кабанова . Ну, что ж тебе нужно от меня?

Дикой . А вот что: разговори меня, чтобы у меня сердце прошло. Ты только одна во всем городе умеешь меня разговорить.

Кабанова . Поди, Феклушка, вели приготовить закусить что-нибудь.

Феклуша уходит.

Пойдем в покои!

Дикой . Нет, я в покои не пойду, в покоях я хуже.

Кабанова . Чем же тебя рассердили-то?

Дикой . Еще с утра с самого.

Кабанова . Должно быть, денег просили.

Дикой . Точно сговорились, проклятые; то тот, то другой целый день пристают.

Кабанова . Должно быть, надо, коли пристают.

Дикой . Понимаю я это; да что ж ты мне прикажешь с собой делать, когда у меня сердце такое! Ведь уж знаю, что надо отдать, а все добром не могу. Друг ты мне, и я тебе должен отдать, а приди ты у меня просить – обругаю. Я отдам, отдам, а обругаю. Потому, только заикнись мне о деньгах, у меня всю внутреннюю разжигать станет; всю внутреннюю вот разжигает, да и только; ну, и в те поры ни за что обругаю человека.

Кабанова . Нет над тобой старших, вот ты и куражишься.

Дикой . Нет, ты, кума, молчи! Ты слушай! Вот какие со мной истории бывали. О посту как-то о великом я говел, а тут нелегкая и подсунь мужичонка: за деньгами пришел, дрова возил. И принесло ж его на грех-то в такое время! Согрешил-таки: изругал, так изругал, что лучше требовать нельзя, чуть не прибил. Вот оно, какое сердце-то у меня! После прощенья просил, в ноги кланялся, право так. Истинно тебе говорю, мужику в ноги кланялся. Вот до чего меня сердце доводит: тут на дворе, в грязи, ему и кланялся; при всех ему кланялся.

Кабанова . А зачем ты нарочно-то себя в сердце приводишь? Это, кум, нехорошо.

Дикой . Как так нарочно?

Кабанова . Я видала, я знаю. Ты, коли видишь, что просить у тебя чего-нибудь хотят, ты возьмешь да нарочно из своих на кого-нибудь и накинешься, чтобы рассердиться; потому что ты знаешь, что к тебе сердитому никто уж не пойдет. Вот что, кум!

Дикой . Ну, что ж такое? Кому своего добра не жалко!

Глаша входит.

Глаша . Марфа Игнатьевна, закусить поставлено, пожалуйста!

Кабанова . Что ж, кум, зайди. Закуси, чем бог послал.

Дикой . Пожалуй.

Кабанова . Милости просим! (*Пропускает вперед Дикого и уходит за ним.*)

Глаша, сложив руки, стоит у ворот.

Глаша . Никак, Борис Григорьич идет. Уж не за дядей ли? Аль так гуляет? Должно, так гуляет.

Входит Борис .

Явление третье

Глаша , Борис , потом Кулигин .

Борис . Не у вас ли дядя?

Глаша . У нас. Тебе нужно, что ль, его?

Борис . Послали из дому узнать, где он. А коли у вас, так пусть сидит: кому его нужно. Дома-то рады-радехоньки, что ушел.

Глаша . Нашей бы хозяйке за ним быть, она б его скоро прекратила. Что ж я, дура, стою-то с тобой! Прощай. (*Уходит.*)

Борис . Ах ты, господи! Хоть бы одним глазком взглянуть на нее! В дом войти нельзя: здесь незваные не ходят. Вот жизнь-то! Живем в одном городе, почти рядом, а увидишься раз в неделю, и то в церкви либо на дороге, вот и все! Здесь что вышла замуж, что схоронили – все равно.

Молчание.

Уж совсем бы мне ее не видать: легче бы было! А то видишь урывками, да еще при людях; во сто глаз на тебя смотрят. Только сердце надрывается. Да и с собой-то не сладишь никак. Пойдешь гулять, а очутишься всегда здесь у ворот. И зачем я хожу сюда? Видеть ее никогда нельзя, а еще, пожалуй, разговор какой выйдет, ее-то в беду введешь. Ну, попал я в городок!

Идет ему навстречу Кулигин.

Кулигин . Что, сударь? Гулять изволите?

Борис . Да, гуляю себе, погода очень хороша нынче.

Кулигин . Очень хорошо, сударь, гулять теперь. Тишина, воздух отличный, из-за Волги с

лугов цветами пахнет, небо чистое...

Открылась бездна, звезд полна,
Звездам числа нет, бездне – дна .

Пойдемте, сударь, на бульвар, ни души там нет.

Борис . Пойдемте!

Кулигин . Вот какой, сударь, у нас городишко! Бульвар сделали, а не гуляют. Гуляют только по праздникам, и то один вид делают, что гуляют, а сами ходят туда наряды показывать. Только пьяного приказного и встретишь, из трактира домой плетется. Бедным гулять, сударь, некогда, у них день и ночь работа. И спят-то всего часа три в сутки. А богатые-то что делают? Ну, что бы, кажется, им не гулять, не дышать свежим воздухом? Так нет. У всех давно ворота, сударь, заперты, и собаки спущены... Вы думаете, они дело делают либо богу молятся? Нет, сударь. И не от воров они запираются, а чтоб люди не видали, как они своих домашних едят поедом да семью тиранят. И что слез льется за этими запорами, невидимых и неслышимых! Да что вам говорить, сударь! По себе можете судить. И что, сударь, за этими замками разврату темного да пьянства! И все шито да крыто – никто ничего не видит и не знает, видит только один бог! Ты, говорит, смотри, в людях меня да на улице, а до семьи моей тебе дела нет; на это, говорит, у меня есть замки, да запоры, да собаки злые. Семья, говорит, дело тайное, секретное! Знаем мы эти секреты-то! От этих секретов-то, сударь, ему только одному весело, а остальные волком воют. Да и что за секрет? Кто его не знает! Ограбить сирот, родственников, племянников, заколотить домашних так, чтобы ни об чем, что он там творит, пискнуть не смели. Вот и весь секрет. Ну, да бог с ними! А знаете, сударь, кто у нас гуляет? Молодые парни да девушки. Так эти у сна воруют часок-другой, ну и гуляют парочками. Да вот пара!

*Показываются **Кудряш** и **Варвара** . Целуются.*

Борис . Целуются.

Кулигин . Это у нас нужды нет.

***Кудряш** уходит, а **Варвара** подходит к своим воротам и манит **Бориса**. Он подходит.*

Явление четвертое

***Борис** , **Кулигин** и **Варвара** .*

Кулигин . Я, сударь, на бульвар пойду. Что вам мешать-то? Там и подожду.

Борис . Хорошо, я сейчас приду.

***Кулигин** уходит.*

Варвара (закрываясь платком) . Знаешь овраг за Кабановым садом?

Борис . Знаю.

Варвара . Приходи туда уже попозже.

Борис . Зачем?

Варвара . Какой ты глупый! Приходи: там увидишь, зачем. Ну, ступай скорей, тебя ждут.

***Борис** уходит.*

Не узнал ведь! Пушай теперь подумает. А ужотко я знаю, что Катерина не утерпит, выскочит. (Уходит в ворота.)

Сцена вторая

Ночь. Овраг, покрытый кустами; наверху – забор сада Кабановых и калитка; сверху – тропинка.

Явление первое

Кудряш (*входит с гитарой*) . Нет никого. Что ж это она там! Ну, посидим да подождем. (*Садится на камень.*) Да со скуки песенку споём. (*Поет.*)

Как донской-то казак, казак вел коня поить,
Добрый молодец, уж он у ворот стоит.
У ворот стоит, сам он думу думает,
Думу думает, как будет жену губить.
Как жена-то, жена мужу возмолилася,
Во скоры-то ноги ему поклонилася:
«Уж ты, батюшка, ты ли, мил сердечный друг!
Ты не бей, не губи ты меня со вечера!
Ты убей, загуби меня со полуночи!
Дай уснуть моим малым детушкам,
Малым детушкам, всем ближним соседушкам».

Входит Борис .

Явление второе

Кудряш и Борис .

Кудряш (*перестает петь*) . Ишь ты! Смирен, смирен, а тоже в разгул пошел.

Борис . Кудряш, это ты?

Кудряш . Я, Борис Григорьич!

Борис . Зачем это ты здесь?

Кудряш . Я-то? Стало быть, мне нужно, Борис Григорьич, коли я здесь. Без надобности б не пошел. Вас куда бог несет?

Борис (*оглядывает местность*) . Вот что, Кудряш: мне бы нужно здесь остаться, а тебе ведь, я думаю, все равно, ты можешь идти и в другое место.

Кудряш . Нет, Борис Григорьич, вы, я вижу, здесь еще в первый раз, а у меня уж тут место насиженное и дорожка-то мной протоптана. Я вас люблю, сударь, и на всякую вам услугу готов; а на этой дорожке вы со мной ночью не встречайтесь, чтобы, сохрани господи, греха какого не вышло. Уговор лучше денег.

Борис . Что с тобой, Ваня?

Кудряш . Да что: Ваня! Я знаю, что я Ваня. А вы идите своей дорогой, вот и все. Заведи себе сам, да и гуляй себе с ней, и никому до тебя дела нет. А чужих не трогай! У нас так не водится, а то парни ноги переломают. Я за свою... Да я и не знаю, что сделаю! Горло перерву.

Борис . Напрасно ты сердисься; у меня и на уме-то нет отбивать у тебя. Я бы и не пришел сюда, кабы мне не велели.

Кудряш . Кто ж велел?

Борис . Я не разобрал, темно было. Девушка какая-то остановила меня на улице и сказала, чтобы я именно сюда пришел, сзади сада Кабановых, где тропинка.

Кудряш . Кто ж бы это такая?

Борис . Послушай, Кудряш. Можно с тобой поговорить по душе, ты не разболтаешь?

Кудряш . Говорите, не бойтесь! У меня все одно, что умерло.

Борис . Я здесь ничего не знаю, ни порядков ваших, ни обычаев; а дело-то такое...

Кудряш . Полюбили, что ль, кого?

Борис . Да, Кудряш.

Кудряш . Ну что ж, это ничего. У нас насчет этого слободно. Девки гуляют себе как хотят, отцу с матерью и дела нет. Только бабы взаперти сидят.

Борис . То-то и горе мое.

Кудряш . Так неужто ж замужнюю полюбили?

Борис . Замужнюю, Кудряш.

Кудряш . Эх, Борис Григорьич, бросить надоть!

Борис . Легко сказать – бросить! Тебе это, может быть, все равно; ты одну бросишь, а другую найдешь. А я не могу этого! Уж я коли полюбил...

Кудряш . Ведь это, значит, вы ее совсем загубить хотите, Борис Григорьич!

Борис . Сохрани, господи! Сохрани меня, господи! Нет, Кудряш, как можно. Захочу ли я ее погубить! Мне только бы видеть ее где-нибудь, мне больше ничего не надо.

Кудряш . Как, сударь, за себя поручиться! А ведь здесь какой народ! Сами знаете. Съедят, в гроб вколотят.

Борис . Ах, не говори этого, Кудряш, пожалуйста, не пугай ты меня!

Кудряш . А она-то вас любит?

Борис . Не знаю.

Кудряш . Да вы видались когда аль нет?

Борис . Я один раз только и был у них с дядей. А то в церкви вижу, на бульваре встречаемся. Ах, Кудряш, как она молится, кабы ты посмотрел! Какая у ней на лице улыбка ангельская, а от лица-то будто светится.

Кудряш . Так это молодая Кабанова, что ль?

Борис . Она, Кудряш.

Кудряш . Да! Так вот оно что! Ну, честь имеем проздравить!

Борис . С чем?

Кудряш . Да как же! Значит, у вас дело на лад идет, коли сюда приходите велели.

Борис . Так неужто она велела?

Кудряш . А то кто же?

Борис . Нет, ты шутишь! Этого быть не может. *(Хватается за голову.)*

Кудряш . Что с вами?

Борис . Я с ума сойду от радости.

Кудряш . Вот! Есть от чего с ума сходить! Только вы смотрите – себе хлопот не наделайте, да и ее-то в беду не введите! Положим, хоть у нее муж и дурак, да свекровь-то больно люта.

Варвара выходит из калитки.

Явление третье

Те же и Варвара, потом Катерина.

Варвара *(у калитки поет)* .

За рекою, за быстрою, мой Ваня гуляет,
Там мой Ванюшка гуляет...

Кудряш *(продолжает)* .

Товар закупает.

(Свищет.)

Варвара *(сходит по тропинке и, закрыв лицо платком, подходит к Борису)* . Ты, парень, подожди. Дождешься чего-нибудь. *(Кудряшу.)* Пойдем на Волгу.

Кудряш . Ты что ж так долго? Ждать вас еще! Знаешь, что не люблю!

Варвара обнимает его одной рукой и уходит.

Борис . Точно я сон какой вижу! Эта ночь, песни, свиданья! Ходят обнявшись. Это так ново для меня, так хорошо, так весело! Вот и я жду чего-то! А чего жду – и не знаю, и вообразить не могу; только бьется сердце да дрожит каждая жилка. Не могу даже и придумать теперь, что сказать-то ей, дух захватывает, подгибаются колени! Вот когда у меня сердце глупое раскипится вдруг, ничем не унять. Вот идет.

Катерина тихо сходит по тропинке, покрытая большим белым платком, потупив глаза в землю.

Это вы, Катерина Петровна?

Молчание.

Уж как мне благодарить вас, я и не знаю.

Молчание.

Кабы вы знали, Катерина Петровна, как я люблю вас! *(Хочет взять ее за руку.)*

Катерина *(с испугом, но не поднимая глаз)* . Не трогай, не трогай меня! Ах, ах!

Борис . Не сердитесь!

Катерина . Поди от меня! Поди прочь, окаянный человек! Ты знаешь ли: ведь мне не замолить этого греха, не замолить никогда! Ведь он камнем ляжет на душу, камнем.

Борис . Не гоните меня!

Катерина . Зачем ты пришел? Зачем ты пришел, погубитель мой? Ведь я замужем, ведь мне с мужем жить до гробовой доски!

Борис . Вы сами велели мне прийти...

Катерина . Да пойми ты меня, враг ты мой: ведь до гробовой доски!

Борис . Лучше б мне не видеть вас!

Катерина *(с волнением)* . Ведь что я себе готовлю? Где мне место-то, знаешь ли?

Борис . Успокойтесь! *(Берет ее за руку.)* Сядьте!

Катерина . Зачем ты моей гибели хочешь?

Борис . Как же я могу хотеть вашей гибели, когда люблю вас больше всего на свете, больше самого себя!

Катерина . Нет, нет! Ты меня загубил!

Борис . Разве я злодей какой?

Катерина *(качая головой)* . Загубил, загубил, загубил!

Борис . Сохрани меня бог! Пусть лучше я сам погибну!

Катерина . Ну, как же ты не загубил меня, коли я, бросивши дом, ночью иду к тебе.

Борис . Ваша воля была на то.

Катерина . Нет у меня воли. Кабы была у меня своя воля, не пошла бы я к тебе. *(Поднимает глаза и смотрит на Бориса.)*

Небольшое молчание.

Твоя теперь воля надо мной, разве ты не видишь! *(Кидается к нему на шею.)*

Борис *(обнимает Катерину)* . Жизнь моя!

Катерина . Знаешь что? Теперь мне умереть вдруг захотелось!

Борис . Зачем умирать, коли нам жить так хорошо?

Катерина . Нет, мне не жить! Уж я знаю, что не жить.

Борис . Не говори, пожалуйста, таких слов, не печаль меня...

Катерина . Да, тебе хорошо, ты вольный казак, а я!..

Борис . Никто и не узнает про нашу любовь. Неужели же я тебя не пожалею!

Катерина . Э! Что меня жалеть, никто не виноват, – сама на то пошла. Не жалею, губи меня! Пусть все знают, пусть все видят, что я делаю! (*Обнимает Бориса.*) Коли я для тебя греха не побоялась, побоюсь ли я людского суда? Говорят, даже легче бывает, когда за какой-нибудь грех здесь, на земле, натерпишься.

Борис . Ну, что об этом думать, благо нам теперь-то хорошо!

Катерина . И то! Надуматься-то да наплакаться-то еще успею на досуге.

Борис . А я было испугался; я думал, ты меня прогонишь.

Катерина (*улыбаясь*) . Прогнать! Где уж! С нашим ли сердцем! Кабы ты не пришел, так я, кажется, сама бы к тебе пришла.

Борис . Я и не знал, что ты меня любишь.

Катерина . Давно люблю. Словно на грех ты к нам приехал. Как увидела тебя, так уж не своя стала. С первого же раза, кажется, кабы ты поманил меня, я бы и пошла за тобой; иди ты хоть на край света, я бы все шла за тобой и не оглянулась бы.

Борис . Надолго ли муж-то уехал?

Катерина . На две недели.

Борис . О, так мы погуляем! Время-то довольно.

Катерина . Погуляем. А там... (*задумывается*) как запрут на замок, вот смерть! А не запрут на замок, так уж найду случай повидаться с тобой!

Входят Кудряш и Варвара .

Явление четвертое

Те же , Кудряш и Варвара .

Варвара . Ну что, сладили?

Катерина прячет лицо у Бориса на груди.

Борис . Сладили.

Варвара . Пошли бы, погуляли, а мы подождем. Когда нужно будет, Ваня крикнет.

Борис и Катерина уходят. Кудряш и Варвара садятся на камень.

Кудряш . А это вы важную штуку придумали, в садовую калитку лазить. Оно для нашего брата очень способна.

Варвара . Все я.

Кудряш . Уж тебя взять на это. А мать-то не хватится?

Варвара . Э! Куда ей! Ей и в лоб-то не влетит.

Кудряш . А ну, на грех?

Варвара . У нее первый сон крепок; вот к утру, так просыпается.

Кудряш . Да ведь как знать! Вдруг ее нелегкая поднимет.

Варвара . Ну так что ж! У нас калитка-то, которая со двора, изнутри заперта, из саду; постучит, постучит, да так и пойдет. А поутру мы скажем, что крепко спали, не слышали. Да и Глаша стережет; чуть что, она сейчас голос подаст. Без опаски нельзя! Как же можно! Того гляди, в беду попадешь.

Кудряш берет несколько аккордов на гитаре. Варвара прилегает к плечу Кудряша, который, не обращая внимания, тихо играет.

Варвара (*зевая*) . Как бы то узнать, который час?

Кудряш . Первый.

Варвара . Почем ты знаешь?

Кудряш . Сторож в доску бил.

Варвара (*зевая*) . Пора. Покричи-ка. Завтра мы пораньше выйдем, так побольше погуляем.

Кудряш (*свищет и громко запекает*) .

Все домой, все домой,

А я домой не хочу.

Борис (*за сценой*) . Слышу!

Варвара (*встает*) . Ну, прощай. (*Зевает, потом целует холодно, как давно знакомого.*)
Завтра, смотрите, приходите пораньше! (*Смотрит в ту сторону, куда пошли Борис и Катерина.*) Будет вам прощаться-то, не навек расстаетесь, завтра увидите. (*Зевает и потягивается.*)

Вбегает Катерина , а за ней Борис .

Явление пятое

Кудряш , Варвара , Борис и Катерина .

Катерина (*Варваре*) . Ну, пойдем, пойдем! (*Всходят по тропинке. Катерина оборачивается.*) Прощай.

Борис . До завтра!

Катерина . Да, до завтра! Что во сне увидишь, скажи! (*Подходит к калитке.*)

Борис . Непременно.

Кудряш (*поет под гитару*) .

Гуляй, млада, до поры,

До вечерней до зари!

Ай лели, до поры,

До вечерней до зари.

Варвара (*у калитки*) .

А я, млада, до поры,

До утренней до зари,

Ай лели, до поры,

До утренней до зари!

Уходят.

Кудряш .

Как зорюшка занялась,

А я домой поднялась... и т. д.

Действие четвертое

На первом плане узкая галерея со сводами старинной, начинающей разрушаться

постройки; кой-где трава и кусты за арками – берег и вид на Волгу.

Явление первое

Несколько гуляющих обоего пола проходят за арками.

1-й . Дождь накрапывает, как бы гроза не собралась?

2-й . Гляди, сберется.

1-й . Еще хорошо, что есть где схорониться.

Входят все под своды.

Женщина . А что народу-то гуляет на бульваре! День праздничный, все повышли. Купчихи такие разряженные.

1-й . Попрячутся куда-нибудь.

2-й . Гляди, что теперь народу сюда набьется!

1-й (*осматривая стены*) . А ведь тут, братец ты мой, когда-нибудь, значит, расписано было. И теперь еще местами означает.

2-й . Ну да, как же! Само собой, что расписано было. Теперь, ишь ты, все впусте оставлено, развалилось, заросло. После пожара так и не поправляли. Да ты и пожару-то этого не помнишь, этому лет сорок будет.

1-й . Что бы это такое, братец ты мой, тут нарисовано было? Довольно затруднительно это понимать.

2-й . Это геенна огненная.

1-й . Так, братец ты мой!

2-й . И едут туда всякого звания люди.

1-й . Так, так, понял теперь.

2-й . И всякого чину.

1-й . И арапы?

2-й . И арапы.

1-й . А это, братец ты мой, что такое?

2-й . А это литовское разорение. Битва – видишь? Как наши с Литвой бились.

1-й . Что ж это такое – Литва?

2-й . Так она Литва и есть.

1-й . А говорят, братец ты мой, она на нас с неба упала.

2-й . Не умею тебе сказать. С неба так с неба.

Женщина . Толкуй еще! Все знают, что с неба; и где был какой бой с ней, там для памяти курганы насыпаны.

1-й . А что, братец ты мой! Ведь это так точно!

Входят Дикой и за ним Кулигин без шапки. Все кланяются и принимают почтительное положение.

Явление второе

Те же, Дикой и Кулигин.

Дикой . Ишь ты, замочило всего. (*Кулигину.*) Отстань ты от меня! Отстань! (*С сердцем.*) Глупый человек!

Кулигин . Савел Прокофьич, ведь от этого, ваше степенство, для всех вообще обывателей польза.

Дикой . Поди ты прочь! Какая польза! Кому нужна эта польза?

Кулигин . Да хоть бы для вас, ваше степенство, Савел Прокофьич. Вот бы, сударь, на бульваре, на чистом месте, и поставить. А какой расход? Расход пустой: столбик каменный

(показывает жестами размер каждой вещи) , дощечку медную, такую круглую, да шпильку, вот шпильку прямую (показывает жестом) , простую самую. Уж я все это прилажу и цифры вырежу уже все сам. Теперь вы, ваше степенство, когда изволите гулять или прочие которые гуляющие, сейчас подойдете и видите, который час. А то этакое место прекрасное, и вид, и все, а как будто пусто. У нас тоже, ваше степенство, и проезжие бывают, ходят туда наши виды смотреть, все-таки украшение – для глаз оно приятней.

Дикой . Да что ты ко мне лезешь со всяким вздором! Может, я с тобой и говорить-то не хочу. Ты должен был прежде узнать, в расположении ли я тебя слушать, дурака, или нет. Что я тебе – ровный, что ли! Ишь ты, какое дело нашел важное! Так прямо с рылом-то и лезет разговаривать.

Кулигин . Кабы я со своим делом лез, ну тогда был бы я виноват. А то я для общей пользы, ваше степенство. Ну что значит для общества каких-нибудь рублей десять! Больше, сударь, не понадобится.

Дикой . А может, ты украсть хочешь; кто тебя знает.

Кулигин . Коли я свои труды хочу даром положить, что же я могу украсть, ваше степенство? Да меня здесь все знают, про меня никто дурно не скажет.

Дикой . Ну и пушай знают, а я тебя знать не хочу.

Кулигин . За что, сударь Савел Прокофьич, честного человека обижать изволите?

Дикой . Отчет, что ли, я стану тебе давать! Я и поважней тебя никому отчета не даю. Хочу так думать о тебе, так и думаю. Для других ты честный человек, а я думаю, что ты разбойник, вот и все. Хотелось тебе это слышать от меня? Так вот слушай! Говорю, что разбойник, и конец! Что ж ты, судиться, что ли, со мной будешь? Так ты знай, что ты червяк. Захочу – помилую, захочу – раздавлю.

Кулигин . Бог с вами, Савел Прокофьич! Я, сударь, маленький человек, меня обидеть недолго. А я вам вот что доложу, ваше степенство: «И в рубище почтенна добродетель!»

Дикой . Ты у меня грубить не смей! Слышишь ты!

Кулигин . Никакой я грубости вам, сударь, не делаю; а говорю вам потому, что, может быть, вы и вздумаете когда что-нибудь для города сделать. Силы у вас, ваше степенство, много; была б только воля на доброе дело. Вот хоть бы теперь то возьмем: у нас грозы частые, а не заведем мы громовых отводов.

Дикой (*гордо*) . Все суета!

Кулигин . Да какая же суета, когда опыты были?

Дикой . Какие-такие там у тебя громовые отводы?

Кулигин . Стальные.

Дикой (*с гневом*) . Ну, еще что?

Кулигин . Шесты стальные.

Дикой (*сердясь более и более*) . Слышал, что шесты, аспид ты этакой; да еще-то что? Наладил: шесты! Ну, а еще что?

Кулигин . Ничего больше.

Дикой . Да гроза-то что такое, по-твоему, а? Ну, говори.

Кулигин . Электричество.

Дикой (*топнув ногой*) . Какое еще там елестричество! Ну, как же ты не разбойник! Гроза-то нам в наказание посылается, чтобы мы чувствовали, а ты хочешь шестами да рожнами какими-то, прости господи, обороняться. Что ты, татарин, что ли? Татарин ты? А, говори! Татарин?

Кулигин . Савел Прокофьич, ваше степенство, Державин сказал:

Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю.

Дикой . А за эти слова тебя к городничему отправить, так он тебе задаст! Эй, почтенные, прислушайте-ко, что он говорит!

Кулигин . Нечего делать, надо покориться! А вот когда будет у меня миллион, тогда я поговорю. (*Махнув рукой, уходит.*)

Дикой . Что ж ты, украдешь, что ли, у кого! Держите его! Этакой фальшивый мужичонко! С этим народом какому надо быть человеку? Я уж не знаю. (*Обращаясь к народу.*) Да вы, проклятые, хоть кого в грех введете! Вот не хотел нынче сердиться, а он, как нарочно, рассердил-таки. Чтоб ему провалиться! (*Сердито.*) Перестал, что ль, дождик-то?

1-й . Кажется, перестал.

Дикой . Кажется! А ты, дурак, сходи да посмотри. А то – кажется!

1-й (*выйдя из-под сводов*) . Перестал!

Дикой уходит, и все за ним. Сцена несколько времени пуста. Под своды быстро входит Варвара и, притаившись, высматривает.

Явление третье

Варвара и потом Борис .

Варвара . Кажется, он!

Борис проходит в глубине сцены.

Сс-сс!

Борис оглядывается.

Поди сюда. (*Манит рукой.*)

Борис *входит.*

Что нам с Катериной-то делать? Скажи на милость!

Борис . А что?

Варвара . Беда ведь, да и только. Муж приехал, ты знаешь ли это? И не ждали его, а он приехал.

Борис . Нет, я не знал.

Варвара . Она просто сама не своя сделалась!

Борис . Видно, только я и пожил десяток деньков, пока его не было. Уж теперь не увидишь ее!

Варвара . Ах ты какой! Да ты слушай! Дрожит вся, точно ее лихорадка бьет; бледная такая, мечется по дому, точно чего ищет. Глаза, как у помешанной! Давеча утром плакат принялась, так и рыдает. Батюшки мои! что мне с ней делать?

Борис . Да, может быть, пройдет это у нее!

Варвара . Ну, уж едва ли. На мужа не смеет глаз поднять. Маменька замечать это стала, ходит да все на нее косится, так змеей и смотрит; а она от этого еще хуже. Просто мука глядеть-то на нее! Да и боюсь я.

Борис . Чего же ты боишься?

Варвара . Ты ее не знаешь! Она ведь чудная какая-то у нас. От нее все станется! Таких дел наделает, что...

Борис . Ах, боже мой! Что же делать-то? Ты бы с ней поговорила хорошенько. Неужели уж нельзя ее уговорить?

Варвара . Пробовала. И не слушает ничего. Лучше и не подходи.

Борис . Ну, как же ты думаешь, что она может сделать?

Варвара . А вот что: бухнет мужу в ноги да и расскажет все. Вот чего я боюсь.

Борис (*с испугом*) . Может ли это быть?

Варвара . От нее все может быть.

Борис . Где она теперь?

Варвара . Сейчас с мужем на бульвар пошли, и маменька с ними. Пройди и ты, коли

хочешь. Да нет, лучше не ходи, а то она, пожалуй, и вовсе растеряется.

Вдали удар грома.

Никак, гроза? (*Выглядывает.*) Да и дождик. А вот и народ повалил. Спрячься там где-нибудь, а я тут на виду стану, чтоб не подумали чего.

Входят несколько лиц разного звания и пола.

Явление четвертое

Разные лица и потом Кабанова, Кабанов, Катерина и Кулигин.

1-й. Должно быть, бабочка-то очень боится, что так торопится спрятаться.

Женщина. Да уж как ни прячься! Коли кому на роду написано, так никуда не уйдешь.

Катерина (*вбегая*). Ах, Варвара! (*Хватает ее за руку и держит крепко.*)

Варвара. Полно, что ты!

Катерина. Смерть моя!

Варвара. Да ты одумайся! Соберись с мыслями!

Катерина. Нет! Не могу. Ничего не могу. У меня уж очень сердце болит.

Кабанова (*входя*). То-то вот, надо жить-то так, чтобы всегда быть готовой ко всему; страху-то бы такого не было.

Кабанов. Да какие ж, маменька, у нее грехи такие могут быть особенные: все такие же, как и у всех у нас, а это так уж она от природы боится.

Кабанова. А ты почему знаешь? Чужая душа потемки.

Кабанов (*шутя*). Уж разве без меня что-нибудь, а при мне, кажись, ничего не было.

Кабанова. Может быть, и без тебя.

Кабанов (*шутя*). Катя, кайся, брат, лучше, коли в чем грешна. Ведь от меня не скроешься: нет, шалишь! Все знаю!

Катерина (*смотрит в глаза Кабанову*). Голубчик мой!

Варвара. Ну, что ты пристаешь! Разве не видишь, что ей без тебя тяжело?

Борис выходит из толпы и раскланивается с Кабановым.

Катерина (*вскрикивает*). Ах!

Кабанов. Что ты испугалась! Ты думала – чужой? Это знакомый! Дядюшка здоров ли?

Борис. Слава богу!

Катерина (*Варваре*). Что ему еще надо от меня?.. Или ему мало этого, что я так мучаюсь. (*Приклоняясь к Варваре, рыдает.*)

Варвара (*громко, чтобы мать слышала*). Мы с ног сбились, не знаем, что сделать с ней; а тут еще посторонние лезут! (*Делает Борису знак, тот отходит к самому выходу.*)

Кулигин (*выходит на середину, обращаясь к толпе*). Ну, чего вы боитесь, скажите на милость! Каждая теперь травка, каждый цветок радуется, а мы прячемся, боимся, точно напасти какой! Гроза убьет! Не гроза это, а благодать! Да, благодать! У вас все гроза! Северное сияние загорится, любоваться бы надобно да дивиться премудрости: «с полночных стран встает заря», а вы ужасаетесь да придумываете: к войне это или к морю. Комета ли идет, – не отвел бы глаз! Красота! Звезды-то уж пригляделись, все одни и те же, а это обновка; ну, смотрел бы да любовался! А вы боитесь и взглянуть-то на небо, дрожь вас берет! Изо всего-то вы себе пугал наделали. Эх, народ! Я вот не боюсь. Пойдемте, сударь!

Борис. Пойдемте! Здесь страшнее!

Уходят.

Явление пятое

Те же без Бориса и Кулигина .

Кабанова . Ишь какие рацеи развел. Есть что послушать, уж нечего сказать! Вот времена-то пришли, какие-то учителя появились. Коли старик так рассуждает, чего уж от молодых-то требовать!

Женщина . Ну, все небо обложило. Ровно шапкой, так и накрыло.

1-й . Эко, братец ты мой, точно клубком туча-то вьется, ровно что в ней там живое ворочается. А так на нас и ползет, так и ползет, как живая!

2-й . Уж ты помяни мое слово, что эта гроза даром не пройдет! Верно тебе говорю; потому знаю. Либо уж убьет кого-нибудь, либо дом сгорит, вот увидишь: потому, смотри, какой цвет необнаковенный.

Катерина (*прислушиваясь*) . Что они говорят? Они говорят, что убьет кого-нибудь.

Кабанов . Известно, так городят, зря, что в голову придет.

Кабанова . Ты не осуждай постарше себя! Они больше твоего знают. У старых людей на все приметы есть. Старый человек на ветер слова не скажет.

Катерина (*мужу*) . Тиша, я знаю, кого убьет.

Варвара (*Катерине тихо*) . Ты уж хоть молчи.

Кабанова . Ты почему знаешь?

Катерина . Меня убьет. Молитесь тогда за меня.

Входит Барыня с лакеями. Катерина с криком прячется.

Явление шестое

Те же и Барыня .

Барыня . Что прядешься? Нечего прятаться! Видно, боишься: умирать-то не хочется! Пожить хочется! Как не хотеться! – видишь, какая красавица. Ха-ха-ха! Красота! А ты молись богу, чтоб отнял красоту-то! Красота-то ведь погибель наша! Себя погубишь, людей соблазнишь, вот тогда и радуйся красоте-то своей. Много, много народу в грех введешь! Вертопрахи на поединки выходят, шпагами колют друг друга. Весело! Старики старые, благочестивые об смерти забывают, соблазняются на красоту-то! А кто отвечать будет? За все тебе отвечать придется. В омут лучше с красотой-то! Да скорей, скорей!

Катерина прячется.

Куда прядешься, глупая? От бога-то не уйдешь! Все в огне гореть будете в неугасимом!
(*Уходит.*)

Катерина . Ах! Умираю!

Варвара . Что ты мучаешься-то, в самом деле? Стань к сторонке да помолись: легче будет.

Катерина (*подходит к стене и опускается на колени, потом быстро вскакивает*) . Ах! Ад! Ад! Геенна огненная!

Кабанов, Кабанова и Варвара окружают ее.

Все сердце изорвалось! Не могу я больше терпеть! Матушка! Тихон! Грешна я перед богом и перед вами! Не я ли клялась тебе, что не взгляну ни на кого без тебя! Помнишь, помнишь? А знаешь ли, что я, беспутная, без тебя делала? В первую же ночь я ушла из дому...

Кабанов (*растерявшись, в слезах, дергает ее за рукав*) . Не надо, не надо, не говори! Что ты! Матушка здесь!

Кабанова (*строго*) . Ну, ну, говори, коли уж начала.

Катерина . И все-то десять ночей я гуляла... (*Рыдает.*)

Кабанов хочет обнять ее.

Кабанова . Брось ее! С кем?

Варвара . Врет она, она сама не знает, что говорит.

Кабанова . Молчи ты! Вот оно что! Ну, с кем же?

Катерина . С Борисом Григорьичем.

Удар грома.

Ах! (Падает без чувств на руки мужа.)

Кабанова . Что, сынок! Куда воля-то ведет! Говорила я, так ты слушать не хотел. Вот и дождался!

Действие пятое

Декорация первого действия. Сумерки.

Явление первое

Кулигин (сидит на лавочке), Кабанов (идет по бульвару).

Кулигин (*поет*) .

Ночную темнотою покрылись небеса.
Все люди для покою закрыли уж глаза... и пр.

(Увидав Кабанова.) Здравствуйте, сударь! Далеко ли изволите?

Кабанов . Домой. Слышал, братец, дела-то наши? Вся, братец, семья в расстройство пришла.

Кулигин . Слышал, слышал, сударь.

Кабанов . Я в Москву ездил, ты знаешь? На дорогу-то маменька читала, читала мне наставления-то, а я как выехал, так загулял. Уж очень рад, что на волю-то вырвался. И всю дорогу пил, и в Москве все пил, так это кучу, что на-поди! Так, чтобы уж на целый год отгуляться. Ни разу про дом-то и не вспомнил. Да хоть бы и вспомнил-то, так мне бы и в ум не пришло, что делается. Слышал?

Кулигин . Слышал, сударь.

Кабанов . Несчастный я теперь, братец, человек! Так ни за что я погибаю, ни за грош!

Кулигин . Маменька-то у вас больно крута.

Кабанов . Ну да. Она-то всему и причина. А я за что погибаю, скажи ты мне на милость? Я вот зашел к Дикому, ну, выпили; думал – легче будет, нет, хуже, Кулигин! Уж что жена против меня сделала! Уж хуже нельзя...

Кулигин . Мудреное дело, сударь. Мудрено вас судить.

Кабанов . Нет, постой! Уж на что еще хуже этого. Убить ее за это мало. Вот маменька говорит: ее надо живую в землю закопать, чтобы она казnilась! А я ее люблю, мне ее жаль пальцем тронуть. Побил немножко, да и то маменька приказала. Жаль мне смотреть-то на нее, пойми ты это, Кулигин. Маменька ее поедом ест, а она, как тень какая, ходит безответная. Только плачет да тает, как воск. Вот я и убиваюсь, глядя на нее.

Кулигин . Как бынибудь, сударь, ладком дело-то сделать! Вы бы простили ей, да и не поминали никогда. Сами-то, чай, тоже не без греха!

Кабанов . Уж что говорить!

Кулигин . Да уж так, чтобы и под пьяную руку не попрекать. Она бы вам, сударь, была

хорошая жена; гляди – лучше всякой.

Кабанов . Да пойми ты, Кулигин: я-то бы ничего, а маменька-то... разве с ней сговоришь!..

Кулигин . Пора бы уж вам, сударь, своим умом жить.

Кабанов . Что ж мне, разорваться, что ли! Нет, говорят, своего-то ума. И, значит, живи век чужим. Я вот возьму да последний-то, какой есть, пропью; пусть маменька тогда со мной, как с дураком, и нянчится.

Кулигин . Эх, сударь! Дела, дела! Ну, а Борис-то Григорьич, сударь, что?

Кабанов . А его, подлеца, в Тяхту, к китайцам. Дядя к знакомому купцу какому-то посылает туда на контору. На три года его туды.

Кулагин . Ну, что же он, сударь?

Кабанов . Мечется тоже, плачет. Накинулись мы давеча на него с дядей, уж ругали, ругали, – молчит. Точно дикий какой сделался. Со мной, говорит, что хотите, делайте, только ее не мучьте! И он к ней тоже жалость имеет.

Кулигин . Хороший он человек, сударь.

Кабанов . Собрался совсем, и лошади уж готовы. Так тоскует, беда! Уж я вижу, что ему проститься хочется. Ну, да мало ли чего! Будет с него. Враг ведь он мне, Кулигин! Расказнит его надобно на части, чтобы знал...

Кулигин . Врагам-то прощать надо, сударь!

Кабанов . Поди-ка, поговори с маменькой, что она тебе на это скажет. Так, братец Кулигин, все наше семейство теперь врозь расшиблось. Не то что родные, а точно вороги друг другу. Варвару маменька точила-точила, а та не стерпела, да и была такова, – взяла да и ушла.

Кулигин . Куда ушла?

Кабанов . Кто ее знает. Говорят, с Кудряшом с Ванькой убежала, и того также нигде не найдут. Уж это, Кулигин, надо прямо сказать, что от маменьки; потому стала ее тиранить и на замок запирает. «Не запирайте, – говорит, – хуже будет!» Вот так и вышло. Что ж мне теперь делать, скажи ты мне? Научи ты меня, как мне жить теперь? Дом мне опостылел, людей совестно, за дело возмусь – руки отваливаются. Вот теперь домой иду: на радость, что ль, иду?

Входит Глаша .

Глаша . Тихон Иваныч, батюшка!

Кабанов . Что еще?

Глаша . Дома у нас нездорово, батюшка!

Кабанов . Господи! Так уж одно к одному! Говори, что там такое?

Глаша . Да хозяйюшка ваша...

Кабанов . Ну что ж? Умерла, что ль?

Глаша . Нет, батюшка; ушла куда-то, не найдем нигде. Сбились с ног искамши.

Кабанов . Кулигин, надо, брат, бежать искать ее. Я, брат, знаешь, чего боюсь? Как бы она с тоски-то на себя руки не наложила! Уж так тоскует, так тоскует, что ах! На нее-то глядя, сердце рвется. Чего же вы смотрели-то? Давно ль она ушла-то?

Глаша . Недавнушко, батюшка! Уж наш грех, недоглядели. Да и то сказать: на всякий час не остережешься.

Кабанов . Ну, что стоишь-то, беги?

Глаша уходит.

И мы пойдем, Кулигин!

Уходят.

Сцена несколько времени пуста. С противоположной стороны выходит Катерина и тихо идет по сцене.

Явление второе

Катерина (*одна*) . Нет, нигде нет! Что-то он теперь, бедный, делает? Мне только проститься с ним, а там... а там хоть умирать. За что я его в беду ввела? Ведь мне не легче от того! Погибать бы мне одной! А то себя погубила, его погубила, себе бесчестье – ему вечный покор! Да! Себе бесчестье – ему вечный покор. (*Молчание.*) Вспомнить бы мне, что он говорил-то? Как он жалел-то меня? Какие слова-то говорил? (*Берет себя за голову.*) Не помню, все забыла. Ночи, ночи мне тяжелы! Все пойдут спать, и я пойду; всем ничего, а мне – как в могилу. Так страшно в потемках! Шум какой-то делается, и поют, точно кого хоронят; только так тихо, чуть слышно, далеко-далеко от меня... Свету-то так рада сделаешься! А вставать не хочется: опять те же люди, те же разговоры, та же мука. Зачем они так смотрят на меня? Отчего это нынче не убивают? Зачем так сделали? Прежде, говорят, убивали. Взяли бы да и бросили меня в Волгу; я бы рада была. «Казнить-то тебя, – говорят, – так с тебя грех снимется, а ты живи да мучайся своим грехом». Да уж измучилась я! Долго ль еще мне мучиться? Для чего мне теперь жить? Ну, для чего? Ничего мне не надо, ничего мне не мило, и свет божий не мил! А смерть не приходит. Ты ее кличешь, а она не приходит. Что ни увижу, что ни услышу, только тут (*показывает на сердце*) больно. Еще кабы с ним жить, может быть, радость бы какую я и видела... Что ж: уж все равно, уж душу свою я ведь погубила. Как мне по нем скучно! Ах, как мне по нем скучно! Уж коли не увижу я тебя, так хоть услышь ты меня издали! Ветры буйные, перенесите вы ему мою печаль-тоску! Батюшки, скучно мне, скучно! (*Подходит к берегу и громко, во весь голос.*) Радость моя, жизнь моя, душа моя, люблю тебя! Откликнись! (*Плачет.*)

Входит Борис .

Явление третье

Катерина и Борис .

Борис (*не видя Катерины*) . Боже мой! Ведь это ее голос! Где же она? (*Оглядывается.*)

Катерина (*подбегает к нему и падает на шею*) . Увидела-таки я тебя! (*Плачет на груди у него.*)

Молчание.

Борис . Ну, вот и поплакали вместе, привел бог.

Катерина . Ты не забыл меня?

Борис . Как забыть, что ты!

Катерина . Ах, нет, не то, не то! Ты не сердисься?

Борис . За что мне сердиться?

Катерина . Ну, прости меня! Не хотела я тебе зла сделать; да в себе не вольна была. Что говорила, что делала, себя не помнила.

Борис . Полно, что ты! что ты!

Катерина . Ну, как же ты? Теперь-то ты как?

Борис . Еду.

Катерина . Куда едешь?

Борис . Далекo, Катя, в Сибирь.

Катерина . Возьми меня с собой отсюда!

Борис . Нельзя мне, Катя. Не по своей я воле еду: дядя посылает, уж и лошади готовы; я только отпросился у дяди на минуточку, хотел хоть с местом-то тем проститься, где мы с тобой виделись.

Катерина . Поезжай с богом! Не тужи обо мне. Сначала только разве скучно будет тебе, бедному, а там и позабудешь.

Борис . Что обо мне-то толковать! Я – вольная птица. Ты-то как? Что свекровь-то?

Катерина . Мучает меня, запирает. Всем говорит и мужу говорит: «Не верь ей, она

хитрая». Все и ходят за мной целый день и смеются мне прямо в глаза. На каждом слове все тобой попрекают.

Борис . А муж-то?

Катерина . То ласков, то сердится, да пьет все. Да постыл он мне, постыл, ласка-то его мне хуже побоев.

Борис . Тяжело тебе, Катя?

Катерина . Уж так тяжело, так тяжело, что умереть легче!

Борис . Кто ж это знал, что нам за любовь нашу так мучиться с тобой! Лучше б бежать мне тогда!

Катерина . На беду я увидела тебя. Радости видела мало, а горя-то, горя-то что! Да еще впереди-то сколько! Ну, да что думать о том, что будет! Вот теперь тебя видела, этого они у меня не отнимут; а больше мне ничего не надо. Только ведь мне и нужно было увядать тебя. Вот мне теперь гораздо легче сделалось; точно гора с плеч свалилась. А я все думала, что ты на меня сердиться, проклинаешь меня...

Борис . Что ты, что ты!

Катерина . Да нет, все не то я говорю; не то я хотела сказать! Скучно мне было по тебе, вот что, ну, вот я тебя увидела...

Борис . Не застали б нас здесь!

Катерина . Постой, постой! Что-то я тебе хотела сказать... Вот забыла! Что-то нужно было сказать! В голове-то все путается, не вспомню ничего.

Борис . Время мне, Катя!

Катерина . Погоди, погоди!

Борис . Ну, что же ты сказать-то хотела?

Катерина . Сейчас скажу. *(Подумав.)* Да! Поедешь ты дорогой, ни одного ты нищего так не пропускай, всякому подай да прикажи, чтоб молились за мою грешную душу.

Борис . Ах, кабы знали эти люди, каково мне прощаться с тобой! Боже мой! Дай бог, чтоб им когда-нибудь так же сладко было, как мне теперь. Прощай, Катя! *(Обнимает и хочет уйти.)* Злодеи вы! Изверги! Эх, кабы сила!

Катерина . Постой, постой! Дай мне поглядеть на тебя в последний раз. *(Смотрит ему в глаза.)* Ну, будет с меня! Теперь бог с тобой, поезжай. Ступай, скорее ступай!

Борис *(отходит несколько шагов и останавливается)* . Катя, нехорошо что-то! Не задумала ли ты чего? Измучусь я дорогой-то, думавши о тебе.

Катерина . Ничего, ничего. Поезжай с богом!

Борис хочет подойти к ней.

Не надо, не надо, довольно!

Борис *(рыдая)* . Ну, бог с тобой! Только одного и надо у бога просить, чтоб она умерла поскорее, чтоб ей не мучиться долго! Прощай! *(Кланяется.)*

Катерина . Прощай!

Борис уходит. Катерина провожает его глазами и стоит несколько времени задумавшись.

Явление четвертое

Катерина *(одна)* . Куда теперь? Домой идти? Нет, мне что домой, что в могилу – все равно. Да, что домой, что в могилу!.. что в могилу! В могиле лучше... Под деревцом могилушка... как хорошо!.. Солнышко ее греет, дождичком ее мочит... весной на ней травка вырастет, мягкая такая... птицы прилетят на дерево, будут петь, детей выведут, цветочки расцветут: желтенькие, красненькие, голубенькие... всякие *(задумывается)* , всякие... Так тихо, так хорошо! Мне как будто легче! А о жизни и думать не хочется. Опять жить? Нет, нет, не надо... нехорошо! И люди мне противны, и дом мне противен, и стены противны! Не пойду туда! Нет, нет, не пойду... Придешь к ним, они ходят, говорят, а на что мне это? Ах, темно

стало! И опять поют где-то! Что поют? Не разберешь... Умереть бы теперь... Что поют? Все равно, что смерть придет, что сама... а жить нельзя! Грех! Молиться не будут? Кто любит, тот будет молиться... Руки крест-накрест складывают... в гробу? Да, так... я вспомнила. А поймают меня да воротят домой насильно... Ах, скорей, скорей! (*Подходит к берегу. Громко.*) Друг мой! Радость моя! Прощай! (*Уходит.*)

Входят Кабанова, Кабанов, Кулигин и работник с фонарем.

Явление пятое

Кабанов, Кабанова и Кулигин.

Кулигин . Говорят, здесь видели.

Кабанов . Да это верно?

Кулигин . Прямо на нее говорят.

Кабанов . Ну, слава богу, хоть живую видели-то.

Кабанова . А ты уж испугался, расплакался! Есть о чем. Не беспокойся: еще долго нам с ней маяться будет.

Кабанов . Кто ж это знал, что она сюда пойдет! Место такое людное. Кому в голову придет здесь прятаться.

Кабанова . Видишь, что она делает! Вот какое зелье! Как она характер-то свой хочет выдержать!

С разных сторон собирается народ с фонарями.

Один из народа . Что, нашли?

Кабанова . То-то что нет. Точно провалилась куда.

Несколько голосов . Эка притча! Вот оказия-то! И куда б ей деться!

Один из народа . Да найдется!

Другой . Как не найтись!

Третий . Гляди, сама придет.

Голоса за сценой : «Эй, лодку!»

Кулигин (с берега) . Кто кричит? Что там?

Голос : «Женщина в воду бросилась!»

Кулигин и за ним несколько человек убегают.

Явление шестое

Те же, без Кулигина.

Кабанов . Батюшки, она ведь это! (*Хочет бежать.*)

Кабанова удерживает его за руку.

Маменька, пустите, смерть моя! Я ее вытащу, а то так и сам... Что мне без нее!

Кабанова . Не пущу, и не думай! Из-за нее да себя губить, стоит ли она того! Мало она нам страму-то наделала, еще что затеяла!

Кабанов . Пустите!

Кабанова . Без тебя есть кому. Прокляну, коли пойдешь!

Кабанов (падая на колени) . Хоть взглянуть-то мне на нее!

Кабанова . Вытащат – взглянешь.

Кабанов (встает. К народу) . Что, голубчики, не видать ли чего?

1-й . Темно внизу-то, не видать ничего.

Шум за сценой.

2-й . Словно кричат что-то, да ничего не разберешь.

1-й . Да это Кулигина голос.

2-й . Вон с фонарем по берегу ходят.

1-й . Сюда идут. Вон и ее несут.

Несколько народу возвращается.

Один из возвратившихся . Молодец Кулигин! Тут близехонько, в омуточке, у берега с огнем-то оно в воду-то далеко видно; он платье и увидал и вытащил ее.

Кабанов . Жива?

Другой . Где уж жива! Высоко бросилась-то: тут обрыв, да, должно быть, на якорь попала, ушиблась, бедная! А точно, ребята, как живая! Только на виске маленькая ранка, и одна только, как есть одна, капелька крови.

Кабанов бросается бежать; навстречу ему Кулагин с народом несут Катерину.

Явление седьмое

Те же и Кулигин .

Кулигин . Вот вам ваша Катерина. Делайте с ней, что хотите! Тело ее здесь, возьмите его; а душа теперь не ваша: она теперь перед судией, который милосерднее вас! *(Кладет на землю и убегает.)*

Кабанов *(бросается к Катерине)* . Катя! Катя!

Кабанова . Полно! Об ней плакать-то грех!

Кабанов . Маменька, вы ее погубили, вы, вы, вы...

Кабанова . Что ты? Аль себя не помнишь? Забыл, с кем говоришь?

Кабанов . Вы ее погубили! Вы! Вы!

Кабанова *(сыну)* . Ну, я с тобой дома поговорю. *(Низко кланяется народу.)* Спасибо вам, люди добрые, за вашу услугу!

Все кланяются.

Кабанов . Хорошо тебе, Катя! А я-то зачем остался жить на свете да мучиться! *(Падает на труп жены.)*